

**КЫРГЫЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. И. АРАБАЕВА
БИШКЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. КАРАСАЕВА**

Диссертационный совет Д 10.24.699

На правах рукописи
УДК 81-2:811.161 (575.2) (043.3)

Амиралиев Семетей Манасович

**МОРФОНОЛОГИЯ ФИНАЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ
КОРНЕВЫХ МОРФЕМ В КИТАЙСКО-КЫРГЫЗСКИХ
ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ
(в контексте алтаистики и ностратики)**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Бишкек – 2025

Работа выполнена на кафедре русского и сопоставительного языкознания института филологии и межкультурной коммуникации Ошского государственного университета

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Зулпукаров Капар Зулпукарович

Официальные оппоненты:

Ведущая организация:

Защита диссертационной работы состоится «___» _____ в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 10.24.699 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) филологических наук при Кыргызском государственном университете им. И. Арабаева и Бишкекском государственном университете им. К. Карасаева (адрес: 720026, г. Бишкек, улица Раззакова, 51а). Идентификационный код онлайн трансляции защиты: <https://vc.vak.kg/b/102-pct-peh-h5a>

С диссертацией можно ознакомиться в научных библиотеках Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева (720026, г. Бишкек, улица Раззакова, 51а) и Бишкекского государственного университета им. К. Карасаева (720044, г. Бишкек, проспект Ч. Айтматова 27), а также на сайте диссертационного совета (<https://vak.kg/>).

Автореферат разослан _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 10.24.699,
кандидат филологических наук, доцент

Джаркинбаева Н.Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Основанием для выбора темы работы послужил целый ряд факторов. В настоящее время активно развивается сотрудничество между КНР и Кыргызстаном на экономическом, культурно-гуманитарном, научно-образовательном и других уровнях. Среди кыргызской молодежи оживляется интерес к истории, языку, литературе, культуре, медицине соседнего государства. В нашей республике повсеместно открываются и продуктивно функционируют курсы обучения китайскому языку, в вузах открываются институты Конфуция, кроме того интенсивно разрабатываются вопросы, связанные с лингвоэтногенетическим единством алтайских и сино-тибетских народов, выдвигаются и обосновываются соответствующие идеи по данным их языков. Наличие многочисленных общих корней в кыргызском и китайском языках и их неизученность обусловили выбор темы и направление работы.

Актуальность темы данного исследования, следовательно, состоит:

1) в необходимости рассмотрения корневых морфем кыргызского и китайского языков с точки зрения происхождения и отдаленного вероятного генетического родства их носителей;

2) в важности изучения корней и аффиксов ограниченного числа языков для начального этапа накопления, систематизация и описания фактов с целью дальнейшего перехода на более широкую ступень сравнения – на алтаистику и ностратiku;

3) в значимости финального трансформирования корнеслогов ханью в преобразовании звукового облика межъязыковых слов, в увеличении фонологических расхождений в генетически тождественных лексемах отдаленно-родственных языков и в приобретении китайскими словами тоновых дифференциальных признаков после падения конечных согласных;

4) в весомости доказательства ностратической принадлежности языка китайского суперэтноса для компаративистики и сравнительно-исторического языкознания;

5) в невозможности надежного и фонологически обоснованного восстановления пракорней ханью с иероглифическим характером письма, передающего не звучание слов, а символические образы номинируемых предметов, процессов и признаков;

6) в важности привлечения внимания синологов к сравнительному языкознанию и ностратике, недостаточно развитым лингвистическим направлениям в КНР, и убеждения их в том, что тюркские и другие

евразийские языки сохранили древнейший звуковой облик прототипов современных слов.

7) в привлекательности ностратики и широкого взгляда на происхождение языка в аспекте глоттогенеза.

Связь темы диссертации с программами, основными научно-исследовательскими работами, проводимыми научными учреждениями. Работа является инициативной.

Цель работы – с помощью сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического метода выявление финального трансформирования лексико-грамматических единиц китайского и кыргызского языков в контексте алтаистики и ностратики.

Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

1) ознакомиться с процедурами и приемами сравнительно-исторического языкознания, выработанными и апробированными в индоевропеистике, алтаистике, семитологии, уралистике и других отраслях компаративистики;

2) внести в технологию сравнительно-исторического метода необходимые коррективы с учетом специфики ханью и кыргызского языка; привлечь факты кыргызского языка для сравнения с данными ханью на фоне других близкородственных языков, прежде всего – тюркских;

3) выписать из словарей китайского языка лексические единицы, имеющие материально-семантические аналоги в кыргызском языке; проанализировать их с точки зрения билингвальных и полилингвальных звуковых и смысловых соответствий;

4) произвести двуязычное и многоязычное сравнение лексем языков евразийского лингвоэтногенетического и культурно-языкового пространства с точки зрения алтаистики и ностратики;

5) провести четкую грань между генетически общими и заимствованными из ханью корнями в словарном фонде кыргызского и тюркских языков;

6) описать факты двух языков с учетом логики эволюции китайского языка и достижений сравнительно-исторического языкознания;

7) выделить часть базовой лексики ряда языковых семей Евразии и рассмотреть ее в плане ностратического единства языков;

8) произвести реконструкцию архетипов некоторых продуктивных корней ностратических языков и описать пути их семантической модификации, трансформирования и распространения в языках Евразии;

9) уточнить этимологию некоторых слов тюркских языков в контексте синологии; продемонстрировать роль китайских корневых морфем в образовании сложных слов в тюркских языках;

10) разработать новую методику реконструкции ностратических пракорней в свете достижений современной компаративистики; внедрить ее в процесс сравнительного анализа рефлексов восстанавливаемых пракорней;

11) определить пути и направления дальнейших исследований лингвоэтногенетического и социокультурного единства алтайских и сино-тибетских языков.

Научная новизна результатов исследования. В процессе работы над проблемой получены некоторые результаты, важные для кыргызско-китайского сравнительного языкознания, алтаистики и ностратики:

1) на конкретном фактическом материале обосновано положение о принадлежности китайского языка к ностратической семье языков;

2) выявлены и охарактеризованы активно действующие фонетические процессы трансформирования рефлексов протокорней в конкретных языках и языковых группах;

3) определена роль фонетических изменений в финальных частях китайских слогов в увеличении расхождений в тюркско-китайских рефлексах пракорней и в потере ими исходных общих черт;

4) на материале двух языков продемонстрированы последствия падения конечных неносовых согласных в китайском слове (I тыс. до н.э. – V в.н.э.), приведшего китайские корни к потере прежнего звукового облика, к лишению сходства с алтайскими соответствиями, к сокращению в объеме и приобретению тональных различий;

5) обоснована необходимость пересмотра распространенного и устоявшегося мнения тюркологов об иранском происхождении некоторых слов в изучаемых ими языках;

6) осуществлено сравнительное описание многочисленных рефлексов протокорней **kes/sek* «резать», **kop/pok* «вместе/собирать» и **put/tup* «нога, низ» в евразийском лингвоэтногенетическом пространстве;

7) предложена и обстоятельно аргументирована новая версия происхождения кыргызских слов *үй* «жилище», *үй-бүлө* «семья», *бүлө* «семья, член семьи» и *бөлө* «дети двух сестер»;

8) среди евразийских корней выделены широко-, средне- и ограниченно-распространенные лексические единицы;

9) доказана производность, сложность строения целого ряда корней кыргызского языка, считавшихся первичными.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования его результатов в трудах по этимологии, по истории языков, в учебно-научной литературе по теории языка, сравнительной грамматике тюркских, монгольских и других языков, в учебных курсах “Введение в языкознание”, “Общее языкознание”, “Типологическое языкознание”, “Тюркология”, “Теория и история языкознания” и т.д., которые преподаются на филологических факультетах вузов республики. Считаем, что материалы исследования могут быть полезными для исполнителей квалификационных работ, магистерских, кандидатских и докторских диссертаций по проблематике этимологии, глоттогенеза и сравнительно-исторического языкознания.

Положения, выносимые на защиту. Сравнивая кыргызско-китайские общие слова в контексте алтаистики и ностратики, мы выдвигаем и обосновываем некоторые важные для компаративистики положения:

1. Ханью вместе с другими сино-тибетскими языками относится к ностратической макросемье языков.

2. В трансформации исходных китайских слогов участвовали разные фонетические процессы, тенденции и закономерности. Среди них основными являются метатеза, диереза (апокопа, синкопа, афереза), эпитеза, эпентеза, протеза, дифтонгизация, чередование, сингармонизм и др.

3. Фонологические изменения в финальных частях китайских слогов привели к увеличению звуковых расхождений в рефлексах ностратических прокорней и к потере и «разрушению» первоначального звукового облика общих корней на китайской почве.

4. Падение конечных согласных *-р, -т, -н, -к* и т.д. в китайских слогах и их сохранение в других отдаленно родственных языках (например, в кыргызском и прочих тюркских языках) – одно из доказательств принадлежности ханью к евразийскому лингвоэтногенетическому единству.

5. Кыргызские слова *соода* «торговля», *арзан* «дешевый», *баа* «цена», *чекене* «розничный», *дүң* «оптовый», *пайда* «выгода, прибыль», *маң* «гашиш», *меңдубана* «белена», *майин* (диал.) «мягкий, деликатный (о характере)», *алоо* «пламя» и многие другие, вопреки общепринятому мнению, заимствованы не из иранских и арабского языков, а из ханью.

6. Общетюркские слова *жыл/йил* «год», *жол/йол* «дорога», *кул* «раб, работник», *чал/шал* «старик», *мала* «борона» и др. мотивируются фактами ханью. Фольклорные идиомы *Жээренче чечен*, *Баян сулуу* и подобные находят полные эквиваленты в китайском языке. Кыргызские названия жилища, семьи и родства по матери имеют восточно-ностратические корни.

7. Пракорни **kes/sek* «резать», **kop/pok* «вместе/собирать» и **put/tup* «нога, низ» имеют множество взаимодополняющих трансформ и рефлексов в евразийском лингвоэтногенетическом пространстве.

8. Однокорневые слова в языках Евразии обладают различной степенью распространенности. Среди них есть широко-, средне- и ограниченно-распространенные слова.

9. Факты ханью подтверждают сложное строение кыргызских слов, всегда считавшихся исходными, простыми.

Личный вклад соискателя. Материалы исследования взяты автором из различных источников – словарей, научных статей, монографий и т.д. и проанализированы самостоятельно. В сборе и интерпретации фактов частично принимали участие коллеги из КНР. Фонетико-семантическая идентификация общих корней двух языков осуществлена соискателем лично. В опубликовании результатов исследования участвовали сотрудники Центра лингвистических исследований Ошского государственного университета.

Апробация результатов исследования. Работа прошла необходимую апробацию. Ее теоретические основы и практические выводы содержались в докладах автора, которые читались им на различных республиканских, межвузовских и университетских научно-практических конференциях (21 доклад). Принципы и методы исследования могут быть учтены в вузовских курсах общей и сравнительной лингвистики, тюркологии и синологии, в спецкурсах по китайско-тюркской сравнительной лексикологии, по этимологии и ностратике. Часть фактического материала может быть полезной при обучении кыргызов китайскому языку, китайцев кыргызскому языку, при изучении на факультетах иностранных языков теоретических курсов по истории, фонетике и лексикологии китайского языка.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях.

Основное содержание и основные положения диссертации отражены в 56 публикациях: Web of Science – 2 публикации; Scopus – 3 публикации; зарубежный и отечественный РИНЦ – 33 статей (Россия, Казахстан, Узбекистан, Голландия, Соединенные Штаты Америки, Индия); входящих в перечень рецензируемых научных периодических изданий НАК КР – 4 статей; а также 16 статей в рецензируемых изданиях и сборниках научных трудов Кыргызстана. Диссертационная работа по частям 3 раза обсуждалась на заседаниях кафедры русского и сопоставительного языкознания Ошского государственного университета.

Структура и объем диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Объем работы – 297 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи, раскрываются научно-теоретическая новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, отмечаются практическая значимость, апробация и структура диссертационной работы.

ПЕРВАЯ ГЛАВА «Обзор идей и принципов лингвотипологии и лингвогенетики с точки зрения синологии» содержит 4 раздела и посвящена изложению основных положений компаративистики. В ней характеризуются принципы и теоретическая база исследования, выполняемого в рамках лингвогенетики и ностратики.

В первом разделе ПЕРВОЙ ГЛАВЫ рассматриваются принципы лингвогенетики и глоттогенеза. Лингвогенетика занимается изучением происхождения и развития языков. В ней доминирующее положение занимают четыре приема исследования: 1) генетическое отождествление фактов, 2) реконструкция соответствующих архетипов, 3) хронологизация, периодизация языкового материала и 4) локализация явлений и их системно связанных совокупностей. Все они вместе составляют содержание сравнительно-исторического метода. Основоположниками сравнительно-исторического языкознания обычно считают Франца Боппа, Расмуса-Кристиана Раска, Якова Гримма и А.Х.Востокова. Лингвогенетикой занимался и В. фон Гумбольдт – основатель философии языка. Он пытался установить генетическую связь между всеми языками – китайским и санскритом, составляющими «две твердые конечные точки», санскритом и семитскими, санскритом и баскским, кави и санскритом, считая малайско-полинезийские языки промежуточным звеном между индийскими и американскими языками.

Возникновение германистики является началом сравнительно-исторического языкознания. Параллельно с германистикой формируется и развивается славистика. Сравнительно-историческое языкознание в XIX в. стало наиболее разработанной отраслью науки о языке. Ученые делят его историю на три периода: первый – 1816-1870 гг. (Ф.Бопп), второй – 1871-1916 гг. (А.Шлейхер, К.Бругман, Б.Дельбрюк, Ф.Ф.Фортунатов и др.), третий – языкознание XX в. (А.Мейе, Г.Хирт, Е.Курилович, Э.Бенвенист, А. фон Габайн, Ф.Шпехт, В.Пизани, В.Порциг, В.Георгиев, В.Жирмунский, М.Гухман и др.).

Под влиянием индоевропейского сравнительно-исторического языкознания формируются и развиваются сравнительная семитология, уралистика, кавказистика, алтаистика и другие направления в

компаративистике (А.С.Ахманова, 1966). К проблематике нашей работы определенное отношение имеют достижения урало-алтайской теории в компаративистике, идеи и принципы которой наиболее полно освещены в обобщающих трудах многих ученых – Х.Винклера (1884), С.М.Широкогорова (1931), Б.Коллиндера (1946), М.Рясенена (1953), Д.Шинора (1948), а также в многочисленных частных исследованиях, зафиксированных в библиографических работах Й.Бенцига (1953), Д.Шинора (1963), А.Дильачара (1964) и других. В нашем исследовании последовательно учитывается общность тюрко-монгольских языков. Этимология многих кыргызских корнеслов рассматривается в контексте именно тюркологии и монголоведения. Мы рассматриваем кыргызско-китайские общие корни с позиции тюркологии, алтаистики и ностратики.

Исследуя проблемы лингвогенетики и сравнительно-исторического языкознания, мы опирались на труды целого ряда компаративистов:

1) по индоевропейстике (А.Мейе, Э.Прокош, В.М.Жирмунский; К.Бюлер, В.Я.Мыркин, О.Есперсен; Т.В.Гамкрелидзе, В.В.Иванов, Ж.Одри и др.); 2) по иранским языкам (И.М.Оранский, Т.Н.Пахалина, Д.И.Эдельман, В.С.Расторгуева ...); 3) по индийским языкам (В.С.Воробьев-Десятовский, В.Д.Бабакаев, В.В.Верτροградова, Т.Е.Катенина, Б.Я.Захарьин и др.); 4) по романским и германским языкам (М.И.Стеблин-Каменский, Э.Бурсье, В.М.Жирмунский, Б.А.Ильиш, В.Г.Гак и др.); 5) по славянским языкам (С.Ф.Самойленко, А.Н.Савченко, В.В.Колесов, М. Фасмер, Б.А.Успенский и др.); 6) по дравидийским языкам (М.С.Андронов); 7) по тюркским языкам (Э.В.Севортян; В.Котвич, Г.Ф.Благова, Л.С.Левитская, А.М.Щербак, Б.М.Юнусалиев, Х.К.Карасаев, Б.А.Серебренников, Н.З.Гаджиева; Э.Р.Тенишев, А.В.Дыбо, И.Г.Добродомов, К.Токтоналиев, Ж.Жумалиев и др.); 8) по монгольским, тунгусо-маньчжурским и японскому языкам (В.Котвич, Г.Д.Санжеев, М.Н.Орловская, З.В.Шевердина; В.И.Цинциус; П.Я.Скорик, Н.Н. Сыромятников, С.А.Старостин); 9) по иберийско-кавказским языкам (Ю.Д.Дешериев, Е.А.Бокарев, С.М.Хайдаков, А.Г.Мартиросов, Г.А.Климов); 10) по уральским языкам (Б.А.Серебренников, К.Е.Майтинская); 11) по китайско-тибетским языкам и сравнительной синологии (С.Е.Яхонтов, А.Н.Алексахин, К.З.Зулпукаров); 12) по ностратике (А.Б.Долгопольский, В.М.Иллич-Свитыч; Г.С.Старостин, А.В.Дыбо, А.Ю.Милитарев, И.И.Пейрос и др.).

Второй раздел характеризует ностратiku как отрасль компаративистики. Сравнительно-историческое языкознание стремительно развивается, расширяя объекты своего исследования, углубляя и детализируя частные аспекты лингвистики как в диахроническом, так и синхроническом

рассмотрении. Одной из ведущих тенденций в нем является попытка расширить круг родственных языков, провести связующие звенья от одной семьи языков к другой, доказывая их генетическое родство в далеком доисторическом прошлом. Нам хорошо известны попытки компаративистов сблизить индоевропейские языки с семитскими (Ф.Делич, Х.Мёллер, Л.Хельманн), угро-финские – с алтайскими (А.Саувагет, М.Рясенен и др.), индоевропейские – с тюркскими (Е.А.Севат) и с урало-алтайскими (А.П.Дульзон), а также тюркские – с уральскими (Н.Гюла, Д.К.Фокош-Фуш) и монгольскими (Г.И.Рамстедт, Н.Поппе, Н.А.Баскаков), угро-финские – с дравидскими (Ф.О.Шрадер, А.Ф.Тягараю, А.П.Андреев), угро-финские – с индоевропейскими (К.Б.Виклунд, Х.Педерсен, Х.Паасонен, Б.Колиндер), уральские – с юкагирским (Ж.Ангер, Б.Колиндер, Е.А.Крейнович) и т.д. (Общее яз., 1973; Принципы описания языков мира, 1976; Лайонз, 1978).

Во второй половине XX в. в мировой лингвистике появилось новое направление, стремящееся устанавливать группы родственных языков, включающие в себя очень большое количество членов. Это направление интенсивно развивалось компаративистами Советского Союза. Так, например, в трудах А.Б.Долгопольского (1964, 1967) доказывается высокая вероятность сходства между морфемами алтайских, индоевропейских, картвельских, семито-хамитских и чукотско-камчатских языков. Параллельно с А.Б.Долгопольским проблематикой прасемьи сибироевропейских языков занимался другой советский компаративист – В.М.Иллич-Свитыч, который называл ее ностратической (от лат. слова *noster* «наш») и не включал в ее состав чукотско-камчатские языки (Иллич-Свитыч, 1967, 1971, 1976, 1984).

Под влиянием идей ностратики сравнительно-историческое языкознание значительно расширяет объект своего изучения. Важной вехой в развитии ностратики становится установление родства северокавказских (абхазо-адыгских, чечено-ингушских и дагестанских), хуррито-урартских и, возможно, хаттского языков, установление родства северокавказских языков с сино-тибетскими, енисейскими языками (С.А.Старостин), с баскским (Дж.Бенгтсон), с языками на-дене (С.Л.Николаев) (Яковлев, Ашхамаф, 1941; В.М.Иллич-Свитыч (1964, 1966, 1967, 1968, 1971-1984); Кацнельсон, 1972; Зулпукаров, 1994 а; Старостин Г.С. и др., 2016). Подобные локальные «вспышки» в компаративистике послужили основанием формулирования гипотезы, постулирующей отдаленное генетическое родство ряда языковых семей Евразии и Северной Африки. В 1924 году датский лингвист Хольгер Педерсен, суммируя разные мнения языковедов по этому вопросу, предположил, что все эти гипотезы в той или иной мере верны, поэтому можно говорить о некоей всеобъемлющей макросемье языков и называть ее

«ностратической». Под ностратической семьей языков подразумевалось генетическое родство «наших» языков, находящихся в эпицентре изучения европейской традиции – индоевропейских, семитских, а также грузинской (картвельской), финской и венгерской (уральских), тюркской (алтайской) и т.д. (Böhtlingk, 1851; Pedersen, 1913; Wundt, 1921; Czermak, 1927; Дьяконов, 1967; Старостин Г.С. и др., 2016).

В третьем разделе ПЕРВОЙ ГЛАВЫ рассматриваются дискуссионные вопросы алтаистики. Одним из спорных вопросов сравнительно-исторического языкознания является проблема алтаистики. Алтаистика – отрасль гуманитарных наук, занимающаяся изучением истории, географии, этнографии, языка и культуры народов, населявших когда-то или в настоящее время центральную часть Сибири.

Применительно к языкознанию термин алтаистика имеет несколько значений, разграничиваемых относительно объема объекта. Во-первых, это наука, занимающаяся историей, этнографией, фольклором, литературой, искусством и языком алтайцев – народности, составляющей основное (коренное) население Горно-Алтайской автономной области Алтайского края Российской Федерации, а также лиц, относящихся к этой народности (Дыбо, 2017). Во-вторых, алтаистика – научное направление в гуманитарных науках, ставящее своей целью исследование различных аспектов природы, населения и культуры этого края. В-третьих, алтаистика содержит сугубо лингвистический смысл. Она объединяет в своих пределах две концепции – учение о лингвогенетическом единстве народов региона и теорию об ареально-культурной общности ряда этносов, возникшей в результате их контактов и взаимодействия (Ахманова, 1966).

Сторонниками первой точки зрения являются компаративисты Р.Раск, В.Шотт, М.А.Кастрен, Ю.Немет, Г.И.Рамстедт, И.Бенциг, А.Дилачар, Ш.Хаттори, Б.Я.Владимирцов, В.И.Цинциус, Н.Поппе, А.Н.Баскаков и др. (Щербак, 1970; Баскаков, 1981). Вторая точка зрения развивается в сравнительных исследованиях Е.Д.Поливанова (который писал об «алтайских» языках, заключая определение в кавычки), В.Л.Котвича, Д.Шинора, Г.Дёрфера, Дж.Клосона, Г.Д.Санжеева, А.Рона-Таша, Г.Кара, А.Н.Щербака, А.Кафероглы и др. (Котвич, 1962; Щербак, 1970; Баскаков, 1981). Мы совмещаем оба взгляда на этногенетические связи алтайских языков, поскольку для ностратики не существует вопрос об их раздельном или едином происхождении, но больше склоняемся к первой точке зрения, пока не имея собственной аргументации. В современной компаративистике общепринятым является широкий взгляд на алтайскую семью языков, согласно которому в ней дифференцируются 1) тюрко-монгольская ветвь, 2)

тунгусо-маньчжурская ветвь и 3) японо-корейская ветвь (Баскаков, 1981; Гухман, 1981). В своей работе мы руководствуемся положениями именно такого понимания состава алтайских языков.

В четвертом разделе приводятся китаизмы в кыргызском и других тюркских языках. В кыргызской лексикологии существует три подхода к словам китайского происхождения.

1. Лексикологи умалчивают наличие китаизмов в кыргызском языке или не считают возможным говорить о них (Азыр. кырг. адаб. тили, 2009).

2. Некоторые кыргызоведы-лексикографы дают перечень слов китайского происхождения, не показывая при этом их формы и значения в первоисточнике (К.К.Юдахин, Х.Карасаев, И.Абдувалиев и др.).

3. У нас есть ученые, которые пишут возможным говорить об этногенетических связях кыргызов и других тюркских народов с ханзу. Чоюн Омуралиев пишет о том, что кыргызы являются исходом китайского народа, создателями цивилизации Инь. По его мнению, кыргызские слова *айкын* «ясный, четкий, определенный» (*ай* «луна» + *кун* «солнце»), *эртең* «завтра» (*ар* «чистый» + *таң* «день»), *бүк-бүктө* «согнуть, сгибать», *байла-/боола-* «связывать» (кит. *бао* «обматывать, завертывать»), *суу* «вода» (*шуй*), *от* «огонь» (*хо*), *чин* «ранга, должность» (*цзинь*) и т.д. имеют китайские корни (Өмүралиев, 2012). По данному вопросу существует и другая точка зрения, признающая их генетическое единство с позиции ностратики (Зулпукаров, 2016). Мы, например, поддерживаем этимологию кырг. *от* «огонь» и кит. *хо* «огонь», предложенную Ч. Омуралиевым, несмотря на отсутствие полного материального сходства (см. ниже).

Теперь перейдем к изложению китайских заимствований в других тюркских языках. В «Древнетюркском словаре» (1974) отмечается китайское происхождение ряда древнетюркских слов: *ап* «судебное дело» (кит. *ань*), *ақ* «дурной, злой» (кит. *э*), *бань* «доска для письма» (кит. *бань* «доска, лист, плита; темп, такт») и т.д. Всего зафиксировано 91 слово. Китаизмы представлены и в словаре Махмуда Кашкари. Они также зафиксированы в «Древнетюркском словаре». В нем отмечается наличие 23 китайских слов. К.К.Юдахин в своем «Кыргызско-русском словаре» (1965) называет 78 слов с пометой кит., т.е. китайского происхождения. Среди них *чоң* «большой, огромный, великий», *лагман*, *илий* «закон», *жамбы* «слиток серебра (различной формы и веса)» (I: 225) и др. Х.К.Карасаев в книге «Өздөштүрүлгөн сөздөр» (Карасаев, 1986) приводит 78 слов-китаизмов. В словаре дано всего 5100 лексем из разных языков – иранских, арабского, русского и других. К китаизмам отнесены *жуужан* «начальник,

управляющий», *жусай* «зеленый лук», *жаңжүң* «генерал-губернатор, полководец», *дүң* «оптом, оптовый», *дубан* «район» и др.

К китаизмам в кыргызском языке обращается и И.Абдувалиев. Он делит их на три группы: 1) названия предметов, орудий труда и инструментов: *даңкан* «котелок на трех ножках», *жады* «сенорезка», *самбур* «штаны» (ср. *шым*) и др.; 2) названия социально-политического персонала: *жаңжүң* «начальник провинции», *зуңтуң* «один из чинов», *кечил* «монах» и др; 3) слова разных групп: *бөк* «силач, борец», *дүң* «оптовый», *туу* «знамя» и др. (Абдувалиев, 2016; 2017). С.С.Джумалиев в диссертации «“Манас” эпосунун лексикасынын хронотипологиялык стратификациясы» (Джумалиев, 2014) приводит 39 слов китайского происхождения, встречающихся в эпосе «Манас», и 39 слов из списка китаизмов в тюркских языках, составленного Н.А.Баскаковым. В этом перечне особенно интересны примеры: *жай* «дом, место», *иш/ши* «работа, дело», *чан* «сосуд», *туу* «знамя», *таң* «утро» и др.

Таким образом, в кыргызской лексикографии господствует мнение о китаизмах как заимствованных из ханью словах. Только немногие пишут о вероятных этногенетических связях древних китайцев и тюрков.

ВТОРАЯ ГЛАВА «Методологическая база и методы исследования лингвоэтногенетических и социокультурных связей тюркских и китайского языков» состоит из 3 разделов и посвящена сравнительному исследованию этимологически тождественных фактов в языках Евразии под углом зрения алтаистики и ностратики. Во всех случаях в качестве метаязыка используется кыргызский язык. Его факты кладутся в основу всех сравнений, сопоставлений и реконструкций. Кроме того, ключевыми единицами сравнительного анализа выступают корневые морфемы китайского языка.

Первый раздел ВТОРОЙ ГЛАВЫ содержит материалы, объект и предмет исследования. Материалами работы выступают общие лексические единицы языков Евразии. В ней подвергаются этимологическому анализу такие слова, которые относятся к базовому фонду лексики сравниваемых языков. Базовыми словами принято считать номинанты таких предметов, действий и свойств, без которых невозможно представлять жизнь древних людей. **Объектом** исследования являются общие слова ряда языковых семей, относящихся к ностратической макросемье языков, а также китайско-кыргызские языковые факты, свидетельствующие о лингвоэтногенетических и социально-культурных связях двух народов. Поэтому в нем с единой лингвогенетической позиции сравниваются корневые морфемы и производные слова алтайских (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и частично японского), китайского, кавказских (картвельских, дагестанских и др.), уральских, индоевропейских, афразийских

и частично дравидийских языков. На ограниченном материале обсуждается вопрос об их этногенетическом единстве. **Предмет** исследования – фонетико-семантические закономерности и процессы, позволяющие реконструировать древнейшее состояние этимологически идентичных единиц в китайском и кыргызском языках с точки зрения алтаистики и сино-тибетской компаративистики. Он более конкретен и имеет четко разграничиваемые черты. В рамках работы рассматриваются те фонетические закономерности, которые являются едиными, регулярными и устойчивыми для сравниваемых фактов разных языков и служат основанием для идентификации их происхождения, и те фонетические процессы, которые привели к увеличению звуковых расхождений в этимологически тождественных словах бывших родственных языков. Иногда встречаются такие звуковые расхождения в однокорневых морфемах, которые даже невообразимы для простого наблюдателя и не умещаются в сознании представителя традиционной компаративистики. Приведем пару примеров.

Например, мы имеем все основания считать, что пракорень **хот* «огонь» дошел до нас в виде а) англ. (герм.гр.) *hot* «горячий», ассам. (енис.гр.) *hot/hott/hēt* «огонь», халадж. (тюрк.гр.) *huot* «огонь»; б) кырг. *от*, як. *уот* «огонь» (с выпадением начального звука); в) китайское 火 *ho/huǒ* «огонь, пожар, жар; красный; вспылить, вспыльчивость, рассердиться, вскипеть, взорваться» (с выпадением конечного согласного под действием закона открытого слога) и возводятся к одному пракорню. Этот прототип мы изображаем в виде **hot* «огонь». Такая реконструкция пракорня на первый взгляд покажется несуразным, нелогичным, мотивированным только с точки зрения семантики. А более широкий подход к происхождению приведенных трех слов убедительно доказывает, что их формально-фонетические отличия вторичны и возникли под действием разных фонологических процессов и закономерностей. В исторической фонетике ханью существовал известный закон открытого слога, который предполагал, чтобы финальные части китайских слогов были открытыми, рифмованными и могли иметь только согласные *-н*, *-ң*, *-й*, не нарушающие гармонию звучания слов (Алексахин, 2013). В результате пракорень **hot* «огонь» подвергается апокопе – падению конечного *-т* и преобразованию звукосочетания *-от* в дифтонг *-ио̣*. Аналогичных фактов в китайском и кыргызском языках очень много (кыргызское слово *ыр* «песня, стихотворение, стихи» – каз. *жыр* – тат. *жыр/йыр* – узб. *шеър* – китайское 诗 *shī* «стих, стихотворение, стихи», связанный корень *кор-*, представленный в словах: *коро-/короо* «уменьшаться,

убавляться, расходоваться напрасно» – 耗 *hào* «уменьшаться, приходить в упадок, тратить, опустошать», *шаар* «город» – 市 *shì* «город, рынок» и др.).

В естественных языках существует общая тенденция к экономии времени и артикуляционных усилий. Компрессия предполагает передачу большого объема информации при меньшем числе языковых знаков. Именно на ней базируется появление в языке разнообразных аббревиатур и эллиптических синтаксических образований (Мусаев, 1987; 2010). Эта тенденция широко действует в китайском дискурсе. Вместо того, чтобы сказать *Русь, Россия, русский, российский* и т.д., китаец употребляет односложную лексему *лу*, заключая в ней семантику всех названных слов и дифференцируя их различия в контексте. Он вместо труднопроизносимого дрожащего *р*- использует *л*-, а остальные части слов заменяются гласным звуком *-у*, подвергаясь сильному «сжатию». Односложное *лу* соответствует природе китайского языка, где действует закон открытого слога и звук *р* встречается крайне редко (Фролова, 2017; Шутова, 1984; Алексахин, 2015).

В древнекитайском языке звук *р* был продуктивным в инициальной части слога. Вместо него в этой позиции появляется звук *ж* (Зулпукаров, 2016; Зулпукаров, Амиралиев, 2017 в). Звук *р* в финальной позиции сохранился в отдельных южных диалектах китайского языка и в родственных ему языках Евразии, в том числе в тюркских. Этот звук выпал из конечной части слога под действием закона благозвучия, рифмовки и открытого слога.

Второй раздел главы излагает методологическую базу исследования. Методологической базой диссертационного исследования послужили положения, обоснованные в трудах зарубежных и отечественных ученых (Х. Педерсен, А.Б. Долгопольский, В.М.Иллич-Свитыч; Г.С. Старостин, А.В. Дыбо, И.И. Пейрос, М. Рясенен, А. Мейе, М. Сводеш, А. фон Габен, Ф. Шпехт, Г. Дёрфер, М. Рясенен, Д. Шинор, И. Бенциг, А. Дилачар, В.И. Цинциус, Н.А. Баскаков, К.З. Зулпукаров, М.Дж. Тагаев, У.Дж. Камбаралиева и др.). Лингвоэтногенетическая и социокультурная концепция сравниваемых языков, представленная работами зарубежных и отечественных лингвистов: по индоевропейстике (Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов, Ж. Одри и др.); по иранским языкам (Д.И. Эдельман, В.С. Расторгуева); по индийским языкам (В.Д. Бабакаев, Б.Я. Захарьин и др.); по романским и германским языкам (Э. Бурсье, Б.А. Ильиш, В.Г. Гак и др.); по славянским языкам (А.Н. Савченко, М. Фасмер ...); по дравидийским языкам (М.С. Андронов); по тюркским языкам (Э.В. Севортян, А.М. Щербак, Э.Р. Тенишев, Б.М. Юнусалиев, С.Дж. Мусаев и др.); по монгольским, тунгусо-маньчжурским и японскому языкам (Г.Д. Санжеев, В.И. Цинциус, Н.Н. Сыромятников ...); по иберийско-кавказским языкам (С.М. Хайдаков, Г.А.

Климов ...); по уральским языкам (Б.А. Серебренников, К.Е. Майтинская); по китайско-тибетским языкам (С.Е. Яхонтов, А. Алексахин, К. Зулпукаров ...).

В третьем разделе продемонстрируются методы исследования этимологически тождественных морфем китайского и кыргызского языков. Эмпирическая часть работы выполнена посредством таких процедур и приемов исследования, как наблюдение, сбор, каталогизация, систематизация и интерпретация фактов, перевод, комментирование, лингвистический эксперимент, подсчет, опрос (работа с респондентами) и т.д. Теоретические аспекты проблемы необходимо требовали от нас обратиться к приемам, операциям и правилам **сравнительно-исторического метода (СИМ)**, а также методов реконструкций, сопоставления, описания, моделирования, аналогии, обобщения, анализа, синтеза и т.д., которые способствовали достижению сформулированных в целеустановке и задачах работы конечных результатов.

Объектом СИМ являются лексические единицы родственных языков, идентичные или близкие в формально-смысловом отношении и рассматриваемые как в диахроническом, так и в синхроническом планах. Этот метод помогает исследователям проникнуть в суть предыстории языка, реконструировать исходное состояние, становление, развитие общечеловеческого языка, восстановить пути его дивергенции, расщепления и распространения в контексте эволюции сознания, общества и культуры в мире. Именно благодаря достижениям сравнительно-исторического языкознания стало возможным говорить о теориях глоттогенеза, о праязыке и праязыках, о генетическом родстве двух или множества языков, об индоевропейской, афразийской, уральской, алтайской, сино-тибетской и других языковых семьях, о ностратике.

СИМ – это совокупность приемов, операций и процедур этногенетического исследования родственных языков, языковых групп и семей, используемая для установления закономерностей и общих тенденций в их развитии. СИМ является важнейшим средством познания эволюции и истории языков, выделения и описания основных этапов их развития, доказательства общности происхождения и путей дальнейшего разветвления родственных языков. С помощью СИМ мы пытаемся воссоздать отдельные фрагменты праязыковых состояний и моделей алтайских и ностратических языков под углом зрения синологии, изложить соответствующие факты в виде краткого очерка по кыргызско-китайской сравнительной лексикологии на фоне других родственных языков.

Конечно, СИМ не используется автономно. Он не может быть универсальным методом сравнительно-исторического языкознания. Его

поддерживают и дополняют другие методы. Например, посредством **реконструкции** воссоздаются незасвидетельствованные языковые формы на основе сравнения соответствующих единиц отдельного языка, группы или семьи языков и устанавливаются праязыковые их модели. СИМ опирается на **метод аналогии** и тесно связан с ним. Аналогия – сходство корня, аффиксов, слов, их форм, значений и сочетаний. Родство корней и аффиксов устанавливается по сходству. Кроме метода аналогии, мы часто обращаемся к процедурам **методов моделирования и формализации**. При сравнении генетически тождественных слов мы использовали приемы абстракции и идеализации конкретных фактов, выделяя их общие свойства и представляя в виде конструктивных словесно-фонологических формул. Эти формулы и их составляющие обозначаются с помощью условных знаков. Многие межъязыковые и заимствованные слова в кыргызском языке, подчиняясь закону сингармонизма, приобретают новый фонологический облик, который мы передаем при помощи абстрактно-обобщенных моделей (Щерба, 1974; Трубецкой, 1987). Нередко мы пользуемся процедурами **сопоставления** как метода компаративистики, которые были необходимы при определении общих и отличительных признаков отдельных слов, словосочетаний и предложений двух языков – кыргызского и китайского. Такое параллельное изучение единиц языков опирается на приемы **описательного метода**.

Четвертый раздел ВТОРОЙ ГЛАВЫ показывает влияние сингармонизма на звуковой облик современных рефлексов общих пракорней китайского и кыргызского языков. Термин сингармонизм, как известно, имеет греческое происхождение. Он состоит из префикса *syn* «вместе» и слова *harmonia* «созвучие». С его помощью обозначается морфонологическое явление, состоящее в единообразном вокалическом (иногда консонантном) оформлении слова как морфологической единицы.

Сочетание китайских слов 迤 *ěr* «близкий, ближний, ближайший, недалекий» и 旦 *dàn* «утро, рассвет, день; рано утром; утренний; рассветать...» в кыргызском языке подвергался действию закона гармонии звуков и получает форму *эртең*, где гласный второй части слова палатализуется под влиянием гласного первой части, получая качество переднерядности. В другом случае компонент *ěr* «близкий, ближайший» лишается признака переднерядности под воздействием второго элемента китайских дифтонгов - *iàn*, -*uà*. Кыргызское слово *арзан* «дешевый, недорогой, дешево, дешевизна» мотивируется китайскими словами *ěr* + 陷 *xiàn/xuàn* [сянь/суань] (диал.) «ущерб; нести ущерб вредить, губить...», 洗 *xiǎn* [сян] «вредить, портить...», 俭 *jiǎn/jiàn* [дзян] «экономить, экономный, экономия, бережливый,

недостаточный; недостаток», 減 *jiǎn/xiǎn* [дзян/сян] «уменьшать(ся), убавлять(ся), снижать(ся), сокращать(ся); убывать, минус...»; 5) 蹇 *qiǎn* [цянь/тсянь] «урон/ущерб». Видим, что второй элемент дифтонга -а «заставил» гласный первого компонента лишиться свойства переднерядности.

В первом подразделе четвертого раздела изучаются особенности гармонии звуков в слове. В кыргызском языке сингармонизм представляет собой полную прогрессивную ассимиляцию и обуславливает созвучие гласных и согласных по всей длине состава слова. На этом основании можем считать, что этот закон носит комбинированный характер и определяет фонетический облик кыргызского слова в целом. Своеобразие кыргызского сингармонизма проявляется в каждой морфологической категории. В качестве примера сошлемся на признак множественного числа в этом языке. Есть все основания считать, что соответствующая аффиксальная морфема как абстрактная единица обобщает употребления следующего множества алломорфов: -дар, -дер, -дор, -дөр; -тар, -тер, -тор, -төр; -лар, -лер, -лор, -лөр. Во всех учебных и научных грамматиках кыргызского языка в качестве эталона (инварианта) рассматривается алломорф -лар. **Двенадцати алломорфам кыргызской морфемы в узбекском языке соответствует одна неварьируемая морфема: одам-лар, киз-лар, из-лар, от-лар и т.д.**

Китайское слово с модальным значением 敢 *gǎn* «сметь, осмеливаться; мочь; дерзкий; конечно, непременно» по значению и звуковому облику обобщенно коррелируется с кыргызским суффиксом -ган, -ген, -гон, -гөн, -кан, -кен, -кон, -көн со значением результативности и осуществленности действия в прошлом, выражаемого глагольной основой. Как известно, прошедшее результативное время на -ган, -ген ... «характерно для кыпчакских и карлуко-уйгурских языков, а также для всех языков Сибири и Алтая, кроме якутского» (Щербак, 1981). Это очень распространенная форма глагола. Ср. употребление рассматриваемого суффикса в кыргызских лично-глагольных парадигмах результативности, в форме только первого лица единственного числа: *алганмын* «я получил», *бергенмин* «я отдал», *коркконмун* «я побоялся» и т.д. Китайский слог 殆 *dài* «похоже, как будто, вероятно, пожалуй, почти, приближаться» этимологически идентичен с кыргызским суффиксом со сравнительным значением -дай, -дей, -дой, -дөй, -тай, -тей, -той, -төй, варьирование которого обуславливается качеством конечных согласных и последних гласных основы.

Второй подраздел четвертого раздела ВТОРОЙ ГЛАВЫ содержит информацию о межкультурных словах кыргызского языка, построенных по формуле САСА и иллюстрирует кыргызско-китайские лексические

единицы. В кыргызском языке имеются многочисленные слова, содержащие в себе два гласных *a*, оформляемые в рамках разновидностей модели САСА/САСАС/АСАС и т.д., наглядно демонстрирующие силу сингармонизма. Соответствующие слова обладают общностью гласных звуков, которые существенно определяют качество его консонантных элементов. К формуле САСА имеет отношение кыргызское слово *мама* «женская грудь, грудь матери», которое сравнивается с русским *мама* «мать (в детской речи)» и с китайским 妈妈 *māma* «мать, мамочка, кормилица» и слово *мала* «борона, (уст.) пук колючки или хвороста, употреблявшийся в качестве бороны». Оно найдет эквивалент в китайском языке, который состоит из двух частей: кит. 马 *mǎ* «лошадь, конь; лошадиный, конный» и 拉 *lā* «тянуть, тащить (кого-что); возить/возка и др.». Ханью, таким образом, убедительно мотивирует семантическое строение кыргызского слова, имевшее в древности значение «то, что тащит лошадь». К формуле САСАС подходит устаревшее слово *кайран* «(при соболезовании) милый, дорогой, бедный», которое нами сближается с современным китайским словом 开刃 *kāirén* «печально, тяжело» (КРС, 2008). Под жестким требованием сингармонизма и формулы САСАС переднерядный гласный второго слога превращается в звук *a*. А корневая морфема кыргызско-китайских слов, скорее, восходит к китайскому слову 慨 *kǎi* «печалиться, вздыхать, скорбеть, возмущаться, негодовать» и кыргызскому корню *кай-* в словах: *кайгы* «печаль, горе», *кайгыруу* «печалиться»; *кейи-* «горевать» и т.д. Приведем еще один пример: китайское 峦 *luán* «высокий пик, островерхая гора и др.» – кыргызское *албан* «высокий», *алп* «великан, силач».

В третьем подразделе четвертого раздела анализируются общие слова по модели САСО. Данная модель действует и в оформлении кыргызского имени действия *чакоо* «поперхнуться, подавиться», которое, вероятно, состоит из слогов 叉 *chá* «застрывать» + 亏 *kuī/kuì* «изъян, дефект, не хватать» и получило свое процессуальное значение в результате ослабления субстантивной семантики во втором слоге. Кыргызский корень *сап* «ручка, рукоятка», вероятно, имеет место в структуре слов *саба-/сабоо* «бить, хлестать; избивание» и *сабоо* «тонкие палочки из крепкого дерева для взбивания шерсти, ваты» и связан с китайским слогом, реализуемым в трех интонационных вариантах в виде 操 *cāo/cào/cao* «орудовать, приводить в движение, править, прибирать к рукам, держать в руках».

Действие фонетической формулы САСЫ и ее вариантов в межкультурных лексических единицах кыргызского языка изучается в четвертом подразделе четвертого раздела на примере кыргызских слов в

плане их соответствий в китайском языке. К формуле САСЫ/САСЫС/АСЫС/АСЫ подводится несколько фонетически однотипных примеров, составляющие которых в ханью имеют иное звуковое оформление. Среди таких единиц выделяется слово *жамбы* «золотой слиток, слиток из золота», звуковой облик которого оформлен по модели САСЫ. Мы сравниваем его с ханьюйским словом 金幣 *jīnbì* «золотая монета, золотое денежное обращение, ценности» (Зулпукаров, Амиралиев, 2018). В кыргызском языке на стыке слогов произошла регрессивная ассимиляция: звук -н под влиянием следующего губно-губного согласного (б) превратился в губно-губной (м). Общeturкское *кашык* могло быть образованы от сочетания двух китайских слогов: 口 *kǒu* «рот; пища; пробовать на вкус» + 勺 *sháo/sháozi/shuò* «ложка». Таких примеров в нашей картотеке довольно много. Их общее число – 18.

Объект пятого подраздела четвертого раздела – модель СЕСА. Китайское слово 非法 *fēifǎ* «незаконный, незаконность, противозаконность, нелегальный» состоит из двух слогов, первый из них содержит отрицание, а второй – значение «закон». Ему соответствуют кыргызские слова *законсуз/мыйзамсыз* «незаконный», *законсуздук/мыйзамсыздык* «незаконность, беззаконие». Мы здесь не имеем материальных соответствий. Однако в кыргызском языке встречаются слова, этимологически сходные с китайской лексемой (бейнаа/бейнай «мука, страдание, беспокойство») и подходящие к названной формуле.

В шестом подразделе четвертого раздела ВТОРОЙ ГЛАВЫ продемонстрирована модель СЕСИ/СЕСИС. Показано, что в кыргызском языке распространены слова, фонетический облик которых подчиняется формуле СЕСИС, где С – согласный звук, Е, И – слогаобразующие гласные. По этой формуле построено кыргызское слово *кешик* «угощение, устраиваемое в доме жениха по прибытии туда невесты (угощение привозят с собой родственники жениха); остатки пищи, приносимые женой из дома родителей или гостем с пира, поминок; довольство, счастье». Оно соответствует двум китайским слогам: 客 *kè* «гость» + 剩 *shèng* «остаток, избыток; излишний; оставаться», где конечный -ң преобразован в -к. Ср. аналогию: кит. 常 *cháng* «постоянный, частый; регулярно, вечно; обычай» и кырг. *чак* «время, долгое время».

Также в этой главе проанализировано несколько кыргызско-китайских идентичных слов по моделям СОСО/СОСОС; СОСУ; СӨСӨ/СӨСӨС; СҮСӨС; СЫСА/СЫСАС/ЫСА и др. Эти модели в кыргызско-китайских словах выполняют важную идентифицирующую и объясняющую функцию.

Они видоизменяются и трансформируются в зависимости от особенностей конкретных лексем.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА «Результаты сравнительного изучения китайско-кыргызских общих корней в контексте алтаистики и ностратики» состоит из 11 разделов, в которых рассматриваются рефлексy некоторых корневых морфем в ностратических языках. Глава написана в русле идей, принципов и методологических основ ностратики, являющейся одним из новейших направлений современной компаративистики и постулирующей отдаленное генетическое родство целого ряда языковых семей Евразии и Северной Африки. К ностратической макросемье языков относят алтайские (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский и японский), уральские (угро-финские и самодийские), индоевропейские, дравидийские, семито-хамитские и картвельские языки. В настоящее время генетическое родство этих языков считается вполне доказанным фактом: в них уже установлено около тысячи общих корневых и аффиксальных морфем с общей семантикой и звуковым обликом. Этот корпус корневых морфем включает в себя корни базового словарного фонда и покрывает круг основных элементарных понятий и реалий (части тела, родственные отношения, названия животных и растений, природные явления, элементарные движения и действия, пространственные отношения, указания, основные качества и чувства). Мы представляем состав ностратических языков значительно шире и включаем в него дагестанские, чечено-ингушские, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские и сино-тибетские языки (см. I гл.).

Базисная лексика является основой словарного состава любого языка. Она представляет собой исходную и устойчивую часть лексического фонда в языке. В словарном фонде кыргызского и других тюркских языков много таких слов, семантика которых наглядно и убедительно мотивируется китайскими первичными корневыми морфемами-слогами.

Первый раздел ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ посвящен изучению и сравнению пракорня **kes/*sek* и его рефлексов в ностратических языках. Сравнение семантики современных рефлексов пракорня **kes/sek* позволило установить его инвариантное значение «направление острого и остроконечного предмета вовнутрь другого предмета», реализуемое в различных семантических вариантах в виде «рубить», «разрезать», «разделить», «рыть», «вбить», «проколоть» и т.д. Факты алтайских, индоевропейских, уральских, дагестанских и других языков дополнительно демонстрируют и подтверждают закономерности отдаления сино-тибетских языков от прежде родственных языковых семей. Под действием законов открытого слога, рифмовки (благозвучия), компрессии и метатезы,

определяющих специфику ханью, ностратический пракорень **kes/sek* получает на китайской почве рефлексy, возводимые к формуле **ke/se* и сохранившие инвариантное значение с некоторыми модификациями. В своем эволюционном развитии китайский язык утратил многие виды закрытых слогов, в частности – конечные *-s* и *-k*. Мы имеем все основания считать, что метатеза **kes/sek* в ностратическом праязыке произошла до возникновения тенденции в ханью к открытому слогу, потому что в этом языке четко обнаруживаются трансформы и видоизменения уже сложившейся перестановки начального и конечного звуков в корневой праморфеме. Продолжение данного раздела отражено в статье К. Зулпукарова и С. Амиралиева «Пракорень **kes/*sek* и его рефлексy в ностратических языках» (Зулпукаров, Амиралиев, 2019: 21; 2016 б: 54-58).

Во втором разделе «Рефлексy прако́рня **er* «самец» в языках Евразии» рассматриваются формы прако́рня **er* «самец», который входил в базовую лексику первобытного языка, служившего исходом для многих современных языков. Здесь выдвинуто и обосновано предположение о том, что в процессе эволюции и дивергенции праэтноса реконструируемый корень **er*, вероятно, подвергался различным видоизменениям, приобретая новое звучание (**er* > а) *ур/ар/ир* ...; б) *йер/йар/вор/гер* ...; в) *ере/ара/оро* ...; г) *е/ē/ä* ... и т.д.) в соответствии с фонологическими закономерностями и семантические модификации («самец» > а) муж, мужчина ...; б) «вождь, вожак ...»; в) «герой, правитель ...»; г) «господь, бог ...»; д) «хозяин, владелец ...»; е) «работник, раб ...»; ж) «мужество, геройство ...»; з) «мужской, храбрый» и т.д.), допускаемые правилами семасиологии.

Из сино-тибетских языков мы выбрали китайский язык (ханью), в котором имеется связанный корень *er*, встречающийся в составе сложных слов: 儿马 *értā* «жеребец» (*tā* «лошадь»), 儿女 *ěrnǚ* «дети; сыновья и дочери» (*ér* «сын», *nǚ* «женщина; девушка; дочь»), 儿子 *érzǐ* «сын» (*zǐ* «сын; семечко, яйцо, икра»). В этих примерах препозитивный корень *er*- выступает как носитель значения «самец, сын, юноша», легко возводим к реконструируемому архетипу, является связанным и автономно не употребляется. Пракорень **er* представлен отдельной лексемой в тюркских языках со следующими вариантами: 1) *er* – алт., др.-тюрк., каз., кум., тув., саг., с.-юг., узб., як. и др.; 2) *ur* – баш., тат., тоб., хак.; 3) *ar* – уйг. диал., чув.; 4) *ar* – аз., турк. диал.; 5) *äar* – турк.; *eer* – алт.; 6) *ey* – лоб., уйг. диал.; 7) *ee* – уйг. диал.; 8) *äa, a* – уйг.; 9) *yer* – каз., с.-юг.; 10) *yar* – узб. диал. Как видим, самой продуктивной формой выступает вариант *er*, который послужил основой для реконструкции общетюркского архетипа в виде **er* «муж, мужчина». В тюркских языках рефлексy архетипа **er* выражают значения: 1)

«муж, мужчина»; 2) «герой, богатырь»; 3) «муж, супруг»; 4) «самец»; 5) «рядовой, боец»; 6) «сила, мужество» и др. К пракорню **er* «муж, мужчина» возводимы все приведенные выше номинанты человека и его качеств. Рефлексы пракорня **er* встречаются и в других группах алтайских языков.

1. Общемонг. **er*: монг. *ere* «муж, мужчина; мужественный, смелый»; дагур., калм., хал.-монг. *эр*, бур. *эрэ*, дунс. *эрэ* (+*күн*), бао. *эрэ* (+*күң*) «мужчина, муж; самец», ср. бур. *эр нохой* «кобель» при *нохой* «собака». Корень *er* встречается в составе производных слов: бур., хал.-монг. *эрэгтей* «мужчина (почтительное)», хал.-монг. *эрхес* «самец соболя», хал.-монг. *эрэг* «винт, шуруп», *эр-* «закручивать, перетягивать веревку; закреплять шурупом, винтом», хал.-монг. *эрээс* «резьба на винте»; бур. *эрхы*, калм. *эркэ*, хал.-монг. *эрхий* «большой палец». Некоторые из этих слов напоминают латинское слово *erectio* «выпрямление» > рус. *эрекция* по смыслу и общности корня.

Трансформы общеалтайского **er* в тунгусо-маньчжурских языках представлены ограниченно. Обнаруженные примеры дополняют и поддерживают предыдущие сравнения: эвенк. *ур* «самец, особь мужского пола», маньч. *эрки* «своеволие, насилие, вольность» (ЭСТЯ, 1974), которые сравниваются с бур. *эрше* «сила, энергия», *эрид* «прямо, решительно, категорически», калм. *эрс* «внезапно, круто, стремительно» (ЭСМЯ, 2015), общетюрк. *эрк* «сила, воля; могущество, сила». Восстанавливая общеалтайскую праформу названия самца и мужчины в виде **er* на основе самого продуктивного варианта, мы не поддерживаем и не принимаем точку зрения Г. Дёрфера, который очень сложно объясняет происхождения слова *er* (<*ere*<*here*<*pere*) (ЭСТЯ, 1974) в сравниваемых языках.

Общетюркский корень **er* служит производящей основой для группы этимологически идентичных слов в сравниваемых языках. 1. Дериват с суффиксом *-ен* представлен в языках: *ерен* – др.-тюрк., кар., кырг. ...; *еран*, *арен* – кар.т. (наряду с *ерен*); *ейен* – лоб.; *ирен* – хак.; *ирэн* – тат.диал. и др. 2. Корень *er* + суффикс *-кек*: *еркек* – в большинстве языков: *еркак* – аз., узб.; *йеркек* – гаг. (с протезой); *акэк/аркак* – уйг. (с диерезой); *ейкек* – лоб. (с чередованием *r/y*); *иргек* – тув., хак. и др. По мнению В.В. Радлова и А. фон Габен, слово *эркек* образовано в результате сочетания двух морфем – корневой морфемы *er* и суффиксальной морфемы *-кек* со значением интенсивности (Зулпукаров, Зулпукарова, Акматова, Жороева и др., 2021).

Корень **er* находит соответствия в индоевропейских языках: 1) нем. *er* «он»; 2) лат. *eris* «господин, хозяин раба»; итал. *eroe*, рум. *erou*, мальт. *eroj* «герой»; 3) греч., индо-ир., арм. **ar-/r-*, авест. *aršan-/arša-* «мужчина», др.-перс. *aršan-/arša-* «самец, герой», скиф. *arša* «самец, мужчина»; греч. *ἄρσων* «мужчина, мужской; самец» (ЭСИЯ, I), арм. *air* «мужчина, человек» и др. В

уральских языках тоже есть слова, корни которых, возможно, связаны с пракорнем **ep*: а) фин. *oras* «кабан», вепс. *orač* «самец; кобель», мок.-морд. *urozi* «холощенный кабан»; б) фин. *orja* «раб», вепс. *orj* «раб», эст. *ori* «раб» и др. (Гамкрелидзе, Иванов, II). В дравидийских языках встречаются рефлексy пракорня **ep*: браг. *are* «муж» (Нафиков, Сулейманова), кан. *ere* «хозяин, супруг», там. *irai* «великий, известный (кто-то); хозяин, глава; старший брат, супруг и др.», тел. *era* «синьор» и т.д. (Менгес: 106). Сходные названия мы имеем в афразийских (берб. *ar-gaz* «мужчина»), баск. (*ar* «самец»), индейских (кин. *ere* «самец»), шумерском (*ur* «человек») и других языках.

Как видим, в тюркских, индоевропейских и других отдаленно-родственных языках прокорень **ep* «самец» имеет многочисленные семантические и словообразовательные дериваты, что свидетельствует об исконности корня для этих языков.

Пракорень **ep* «самец» дошел до нашего времени в различных трансформациях, отличающихся друг от друга по функции, семантике и строению, а также по характеру чередования, протезы, метатезы и других фонетических процессов, иногда меняя свой звуковой облик до неузнаваемости. Он был открыт не только для семантической деривации, но и служил исходным пунктом образования многочисленных производных, которые продуктивно функционируют в языках евразийского лингвоэтногенетического пространства, значительно обогатив когнитивно-языковой тезаурус своих носителей.

Третий раздел ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ «Пракорень **deng* «равный» в языках Евразии» посвящен сравнительному анализу современных рефлексов пракорня **deng* «равный» в ряде языковых семей Евразии. В нем сравниваются факты иранских, славянских, тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, китайского и корейского языков, которые легко возводятся к реконструируемому архетипу (Амиралиев, Сапарбаева, Кайымова, 2020). Здесь показано, что в древности этот корень имел адъективное значение. В процессе своего развития пракорень **deng* «равный» подвергался различным видоизменениям как по форме, так и по значению. В сравниваемых языках данный корень получил трансформы: *дең/дәң/тең/тиң/тың/тәң/тәң/тоң/дүң/туң/тан/денк/тек/тиг/тег/дек/төй/төй//dëng/tóng/tòng/dài//diŋ/dyŋ/diŋ/dyŋ/тий/теки/тики/дей/тей/дай/май/дой/дөй*. Морфонологические изменения в начале (*ð/m*), середине (*e/ə/a/u/ə/o*) и конце (*ŋ/ŋg/нк/н/к/г/й*) сравниваемых единиц соответствуют закономерностям чередования в языках Евразии. Установлено, что слово **deng* «равный» имело в древности только адъективное значение, функционально модифицируясь и семантически обогащаясь, приобрело субстантивные («одинаковость», «отождествление»,

«сходство», «весы», «связка»...), дополнительные адъективные («равноценный», «идентичный», «тождественный», «одинаковый»...), адвербиальные («наравне», «вровень», «ровно», «одинаково», «совместно»...) и релятивные («как», «будто (бы)», «как будто», «вроде»...) значения.

Эти примеры существенно дополняют вышеприведенный сравнительный материал и служат основанием для вывода о том, что алтайские, китайский, иранские, а также, вероятно, славянские и уральские языки имеют рефлекс пракорня **deng*, представленные в различных фонетико-семантических преобразованиях и вариациях.

С помощью методов сравнения и реконструкции можем представить древнее название равенства и сходства предметов и действий в виде архетипа **deng*, который, вероятно, дошел до нас в различных рефлексах и конкретных вариантах. Например, 1) в тюркских языках: тув., тур., туркм. *дең*; алт., др.-уйг., каз., кырг., шор. и др. *тең*; телеут. *туң*; гагауз., тур. *денк*; хакас. *төөй/төй* и т.д.; 2) в тунгусо-маньчжурских: эвенк. *дэңсэ*; нег., орок., ульч., нан. *дэңсэ*; маньч. *дэңнэ/дэңсэлэ*; 3) в монгольском: *тэң/дүң*; 4) в персидском: *dang/tang*; 5) в китайском языке: 等/同 *děng/tóng/tòng* и др.

В четвертом разделе исследуются рефлекс пракорня **kor/*rok* «много, собирать» в ностратических языках. Предполагаем, что в сознании первобытно-общинных людей был символ **kor* с примерным значением «вместе/совместно». Параллельно с развитием сознания, потребностей общения и речевых навыков людей, этот символ начинает подвергаться различным видоизменениям – фонетическим и смысловым, получая постепенно многообразные трансформы и модификации, конкретизируя и разбивая первичное значение «вместе/совместно» на многочисленные детали, элементы и оттенки. Разветвление пракорня-междометия **kor* шло, по-видимому, по двум направлениям:

1) фонетическое трансформирование: *kon/ken/кун/кан...* *коб/кеб/куб/каб...* *гон/ген/гун/ган...* *хон/хен/хун/хан...* *хо/хе/хей/хао/хоо...* и т.д.;

2) метатезирование (**kon/нок*) и трансформирование производного варианта: *нок/нек/нук/нак...* *ног/нег/нуг/наг...* *бог/бег/буг/баг...* *вок/век/вук/вүк...* *бох/бех/бух/бах...* *боо/бээ/буу/баа/бао...* и т.д.

Семантика корня развивалась и обогащалась, вероятно, по пути переноса первичного знака на новые денотаты, процессы и явления. Формально-семантические модификации рассматриваемого корня широко встречаются в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейском и японском языках и имеют аналоги в других языковых семьях. В данном разделе рассматриваются номинанты значений множественности,

укрупненности и совместности предметов в алтайских языках с помощью методов сравнения, сопоставления и типологии.

Сравнительный анализ целого ряда лексических единиц алтайских языков в контексте аналогичных фактов индоевропейских, уральских, дагестанских и китайского языков позволяет сделать некоторые выводы.

1. В ностратическом праязыке, вероятно, существовал пракорень **kor* «много, собирать/собираться».

2. В процессе дивергенции праязыка, возникновения на его основе ряда новых языков, языковых групп и семей этот корень трансформировался, подвергаясь различным фонетическим изменениям и приобретая многообразное звучание.

3. Основными трансформами архетипа **kor* в языках Евразии являются: 1) *кор/кен/көн/куп/күн/көб/кеб/куб/күб/ков/кев/көв/кув/күв*; 2) *ком/кем/көм/кум/күм/кон/кен/көн/кун/күн/гон/ген/гун/гүн/куаң*; 3) *кой/кей/көй/куй/күй*; 4) *хаа/хуу/куу/кьу/кьIу*; 5) *ку/гу/ке/га/куа/коу/гао/гао/куей* и др. Типы чередований в трансформах корня соответствуют морфонологическим закономерностям, которые характерны ностратическим языкам в целом.

4. В языках Евразии цельное архетипическое значение «много, собирать/собираться», модифицируясь, расширяясь и обогащаясь, приобрело многообразные семантические функции. Среди этих функций мы особо выделяем значения:

1) субстантивные: «собрание», «сбор», «увеличение», «коллектив», «мешок», «совокупность», «множество», «компания, товарищество», «куча, толпа людей, скопище», «бочка», «сноп», «общество, социум», «корзина»...;

2) процессуальные: «собирать(ся)», «объединять(ся)», «увеличивать(ся)», «раздуваться», «действовать скопом/массой», «становиться многочисленным», «комбинировать», «преувеличивать», «связывать»...;

3) адъективные: «раздутый», «пухлый», «многочисленный», «обильный», «множественный», «вздутый», «коллективный», «объединенный», «комплектный», «собранный, накопленный»...;

4) адverbиальные: «много», «часто», «нередко», «долго», «очень», «в изобилии», «(изобр.) выпукло», «совокупно», «вместе», «всей массой»...;

5) прономинативные: «все», «весь», «все (без исключения)»;

6) релятивные: «с/со, вместе с, совместно; и, также...».

5. Рассмотренные выше трансформы архетипа **kor* имеют аналогичные рефлексy и в других языковых семьях – дравидийских, индоевропейских, уральских, семито-хамитских и прочих.

В пятом разделе ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ изучаются рефлексy протокорня **put/*tup* «нога» в языках Евразии. В сравнительно-

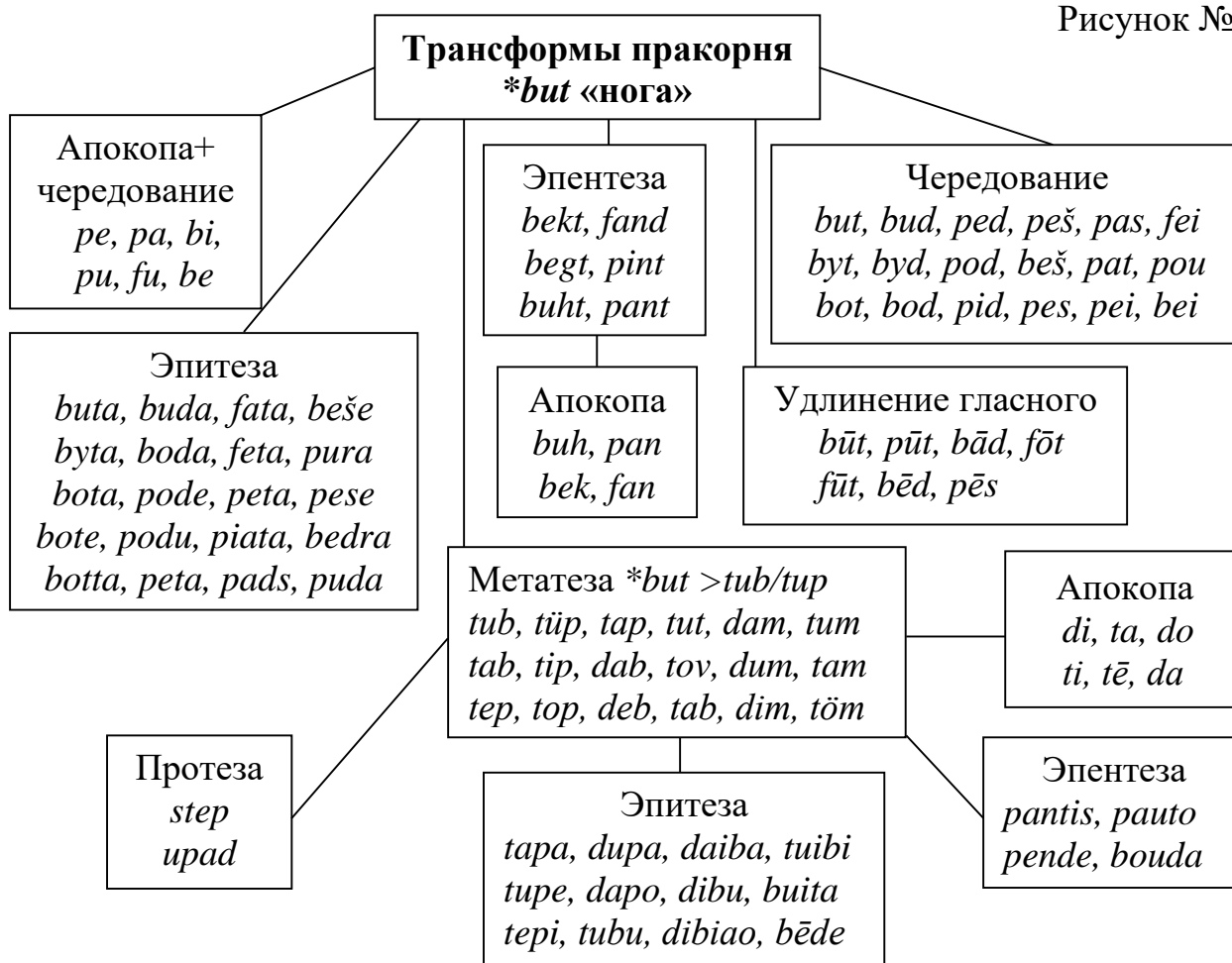
историческом языкознании и этимологических словарях ностратических языков происхождение названия ноги не было предметом специального рассмотрения. Известно, что номинанты частей человеческого тела относятся к базовой лексике языка и, обладая признаками исходности и устойчивости, не заимствуются, видоизменяются в рамках общих фонетических процессов и расширяют свою семантику по правилам метафоризации знака. Необходимо отметить, что в этимологических исследованиях и словарях языков Евразии уже накоплен солидный фактический материал, который достаточен для убедительной реконструкции прототипа названия ноги на основе семантической и звуковой общности его дериватов и трансформ.

В рамках данной части работы осуществлена реконструкция пракорня в виде **but* «нога», продемонстрированы его трансформы в рамках фонологических закономерностей и процессов – чередования (*byt, bot, pod, pat...*), удлинения гласного (*būt, fōt...*), эпитезы (*buta, podu, feta...*), эпентезы (*bekt, pint, pant...*), апокопы (*pu, fu, be...*), метатезы (*tup, tuf, dab...*) и др.; определены семантические модификации пракорня: «нога» > «лапа», «ступня», «пята»..., «сапоги», «ботинки», «носки»..., «основа», «опора», «корень»...; «низ», «под», «почва», «путь»...; «ходить», «пинать», «лягать» и т.д.; установлены общие, близкие и отдалившиеся рефлексy пракорня в сравниваемых языках. Собранный материал позволяет представить пракорень в виде **but* «нога», а пути его видоизменения – на рисунке №1.

Одним из первых компаративистов, изучивших название ноги в ностратических языках, был А.Б. Долгопольский. Он в своей статье «В поисках далекого родства» приводит некоторые данные об этимологии слов со значением «нога» в языках Евразии. По его предположению, к индоевропейскому гипотетическому корню **ped/pod* «нога, ступня» восходят корневые морфемы в русских словах *педаль* (от лат. *pedalis* «ножной»), *футбол* (англ. *football*) «ножной мяч» (*foot* «нога» + *ball* «мяч»), *подагра* (греч. *pod-* «нога») и *пешеход* (*пеший* + *ходить*). Иначе говоря, греческое *pod*, латинское *ped*, английское *foot* и русское *пеш-* являются рефлексами пракорня **ped/pod* (Долгопольский, 1967). Не только эти примеры, но и многие другие корни слов возводятся к пракорню **ped/pod*, который мы реконструируем несколько иначе – в виде **but* «нога» с учетом новых данных, обнаруженных в разных языковых семьях Евразии.

Материалы этого раздела представляем под несколькими пунктами:

1. **But* > *but/bet...* «нога, бедро, ляжка...; ножка (предмета), подставка, основа...» в алтайских и индоевропейских языках.
2. **But* > *bot/but/put/bont/bunt/punt...* «путь, тропинка, след, пята, шаг, ходьба, корень, дно, низ, глубина».

3. *But «нога» > «ветвь, сук, стебель, росток, растение».

4. *But «нога» > *but «бить, ударить/удар, расколоть/раскалывание, рассечь/рассечение, топтать/топот, пинать/пинок».

5. *But «нога» – *but «обувь, сапоги, чулки, путы, обертка».

6. *But «нога» > *tub/tup/tep/teb/tem/dab... «устье, рукав, подставка, задница, глубина, корень, пень, ступень, степень, слой, ярус».

7. Рефлексы пракорня *but в китайском языке: А. *But > bi/bu/bo/fu/pu/po/bei/fei... с выкидкой конечного дентального согласного. Б. *Tup > *tu/ti/te/du/di/de/tai/dai... с выкидкой конечного согласного -p.

Семантика китайских рефлексов пракорня идентична с семантикой его трансформ в других языковых семьях.

Первый подраздел шестого раздела ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ посвящен описанию диерезы и ее разновидностей. Диерезой, как известно, называется выкидка звука из состава слова. Она выполняет важную функцию в сокращении объема означающих и экономии артикуляционно-акустических усилий участников речевого общения. Выпадение звука происходит в различных частях фонетической структуры слова. В тюркских языках КНР, т.е. в уйгурском, лобнорском, саларском, сарыг-югурском и других, находящихся под непосредственным влиянием ханью, сильно развито

стремление к сокращению объема языкового знака. Например, в самых употребительных словах саларского языка встречаются все позиционные виды диерезы: 1) апокопа, проявляющаяся в выкидке конечных согласных и преобразующая закрытый слог в открытый: *me/mi/mē/mī* < *men* «я», *ha* < *har* «каждый»; 2) синкопа, т.е. выпадение срединного звука: *töt* < *tört* «четыре», *etek/emik* < *egimek* «хлеб»; 3) афереза, состоящая в опущении начального звука: *ihit* < *jihit* «юноша», *uĉol* < *uĉjol* «три дороги» (Тенишев, 1975). Все эти разновидности диерезы встречаются в китайско-кыргызских лексических соответствиях. В китайском языке минимальной единицей является не звук, а слог, который имеет в целом единообразное строение. Основными элементами слога являются инициаль, финаль и тон. Инициаль представляет собой начальный согласный звук, финаль – слогаобразующий гласный, дифтонг или же сочетание гласного и конечного согласного. В качестве конечного согласного финали выступают только два звука: *-n* и *-ng*, а также *-й*. Тоном называется мелодическая характеристика слога, точнее – финали.

1. Апокопа. В древнекитайском языке фонетический облик финальной части слога был более разнообразным, чем в современном. В нем было много корневых морфем с конечными согласными на *-n*, *-ng*, *-p*, *-s*, *-t*, *-k*, *-r*, *-p*, *-l* и др., из которых до настоящего времени дошли только корни на *-n*, *-ng*, а остальные, подвергаясь сокращению, были лишены конечных согласных. Слоги с конечными согласными сохранились в южнокитайском диалекте (Иванов, Поливанов, 2003; Яхонтов, 1965) и в их лексических соответствиях в тюркских языках, например, в кыргызском. Известно, что в древнем ханью конечный звук «*-r*» до начала новой эры исчез или перешел в *-i*». Этот звук был распространенным в конечной части слога. В этой позиции он выпал под действием закона благозвучия, рифмовки и открытого слога. Например, древний слог *lur* «гром» в современном языке звучит просто и почти открыто в виде *lei* (Яхонтов, 1965).

2. Синкопа. Стремление ханью к экономии усилий говорящего проявляется и в виде синкопы, когда выпадает звук из состава слова. Например, сравнение кырг. *азоо* «строгий, норовистый, необъезженный (о коне)» с кит. *áo* «норовистый (конь), скакун, быстроногий (конь)» показывает, что последнее является вторичным относительно первого, более рациональным и возводимым к форме с дентальным согласным в середине. Видно, что в кыргызском слове произошло удлинение финального гласного. Аналогично соотношение кыргызско-китайского корня в словах: кырг. *жобо* «положение, принцип, установленное правило, план, проект» и кит. *诏 zhào* «уведомлять, ставить в известность, согласование с, в установленном порядке, уведомление».

3. Афреза. В китайском языке много слов с начальным согласным *h-*, произношение которых представляло определенную трудность для древних носителей тюркских языков, в том числе кыргызского. Поэтому кыргызы произносили эти слова, опустив труднопроизносимый начальный звук. Например, слог 痕 *hén* «знак, шрам, рубец, рана, след, отпечаток, пятно» кыргызы произносят в виде *эн* «метка на ухе (у всего скота, за исключением верблюда), знак на ухе или морде овцы, на ляжке лошади, знак, буква», слог 亨 *hēng/héng* «поклоняться, угождать» – в виде *эң-* в слове: *эңкей* «поклонись, наклонись, склонись» и др.

Второй подраздел шестого раздела рассматривает метатезу как один из путей возникновения звуковых расхождений в китайском и кыргызском языках. Метатезой называют перестановку звуков и слогов в слове в процессе развития и функционирования языка.

В китайском языке имеется целый ряд слогов с идентичным фонологическим обликом в виде [йи], но произносимых с дифференцируемыми ударениями. Им соответствуют кыргызские корневые морфемы, которые звучат в виде [ий] и служат началом агглютинативных морфокомплексов. Например, китайское 揖 *yī* «приветствовать (сложением рук), кланяться, быть уступчивым, поклон (сложением рук)» допускает сравнение с кыргызским корнем *ий* «согни, сгибай», употребленным в производных словах: *ийүү/ийиш* «сгибать, загибать, сгиб, загиб» *ийил-/ийилүү* «гнутья, сгибаться, склоняться; вежливо приветствовать; приветствовать с поклоном». В словах *жай* «лето, летний» и *jiǎ* «лето, летний» дифференцирующую функцию выполняют начальные согласные и звуко сочетания *ай* и *iǎ*, находящиеся между собою в отношении пермутации. Китайское 事 *shì* «дело, деяние, предприятие, занятие» – кыргызское *иш* «дело, работа, деяние, предприятие», 吃 *chī* «есть, кушать; пить, кормиться» и *ич* «пей, ешь» и т.д. тоже являются примерами для метатезы. Перестановка звуков в начале и в конце китайских и кыргызских слов привела к тому, что рефлексy одного и того же слова стали звучать в двух языках совершенно по-разному. Метатеза является своеобразным способом фонетического видоизменения слова в языке. Она служит для дивергенции праязыка и появления значительного числа звуковых расхождений в тех языках, которые считаются отдаленно родственными и возводятся к общему прототипу.

Третий подраздел шестого раздела посвящен рассмотрению эпитезы. Эпитезой в европейской лингвистике называют появление в конце слова звука, отсутствовавшего в первоначальной форме слова. Такие звуки возникают под влиянием определенных фонетических и морфологических

условий. В китайско-кыргызских соответствиях мы встречаем случаи, когда в конце одного из эквивалентов имеет место звук, отсутствующий в составе другого эквивалента. Эпитетические звуки очень часты в кыргызских словах и проявляются относительно их китайских соответствий:

1. Кит. 哀 *aī* «скорбеть, горевать, сочувствовать, сожалеть; скорбь, горе» – кырг. *ая* [айа] «пожалей, сочувствуй», *аёо* «жалость, сострадание». В кыргызском слове конечный звук *-а* появился в результате действий эпитезы.

2. Кит. 螺 *luó* «улитка» – кырг. *улул* «улитка». В кыргызском примере совмещено два способа звуковых изменений – протеза и эпитеза. Протеза привела к увеличению объема знака спереди, эпитеза – сзади.

3. Кыргызское название председателя, встречающееся в различных стилях речи в вариантах *раис/ираис/ирайиш/ырайыс/ырайиш*, сравнивается с кит. 睿 *ruì* «просвещенный, императорский, высочайший (об императоре)» с учетом наличия в них эпентетического компонента (*-с/-ис/-ыс/-иш*) и др.

Как видим, более компактные эквиваленты в данных соответствиях выступают как первичные, а развернутые – как вторичные. Необходимо отметить, что по отношению к подобным фактам можно предложить и другую гипотезу: первичными являются более развернутые номинанты, вторичными или производными – менее объемные номинанты. Компактные номинанты, возможно, возникают в результате совместного действия законов компрессии, рифмовки и открытого слога.

В седьмом разделе сравниваются термины родства и свойства в ностратических языках. Среди терминов родства в тюркских языках особое место занимает слово *йеңге* «(невестка) жена старшего брата или родственника (дяди) по отношению к младшим родственникам мужа» в силу своей распространенности. В этих языках оно имеет разные звучания: туркм. *йеңге*, лобн. *йеңна*, азерб. *йенга*, башк. *йинга*, кырг. *жеңе/жеңге*, узб. диал. *жена/жеңга*, тув. *чеңге*; алт. *деңе...* и значения: тур. «женщина, провожающая новобрачную в дом жениха», узб. «провожаемая невесты, остающаяся при новобрачных после свадебной церемонии», каракалп. «наперсница, сводня», уйг., «подружка невесты» и др. В кыргызском языке с помощью слова *жеңе* можно именовать мачеху (при умершей или разведенной матери), младшую жену отца (при живой матери), жену старшего родственника по отцу, любую старшую женщину, состоящую в браке с представителем рода или племени говорящего или его земляка. Этимологи К. Редеев и И. Эрдеи сближают общетюркское *йеңге* с уральским термином *niga* «женщина, жена», Ю. Немет – с общеуральским *ана/анна* «женщина» (ЭСТЯ, 1989). Нам кажется более убедительной точка зрения К.З.

Зулпукарова, который связывает его с китайским 婶 *shěn* «тетка (жена младшего брата отца), невестка (жена младшего брата мужа), (вежл.) вы, тетушка (к замужним женщинам среднего возраста)». Начальные согласные *й/ж/ч/с/д* в тюркских номинантах чередуются с китайским *sh* (ш).

В.М. Иллич-Свитыч, реконструируя ностратическое слово **kalu* «свойственница», усматривает его в семито-хамитском *k.l* «невеста, невестка», в картвельском *kal* «женщина», индоевропейском *alou* «жена брата», уральском *kalu* «свойственница (сестра мужа, жена брата и под.), муж сестры», дравидском *kal* «жена брата отца, тетка», алтайском *kali(n)* «жена младшего брата или сына, муж сестры». Ясно, что во всех ностратических языках есть общее слово *kelin* со значением «невеста, невестка, сноха», с одной стороны, и, с другой, со значением «муж сестры, зять». В.М. Иллич-Свитыч считает первое значение изначальным, а второе – производным.

Первым тюркологом, обратившим внимание на происхождение названия невестки, был В.В. Радлов, который связывал его с глагольным корнем *кел-* «придти/приходить, приехать/приезжать, прибыть/прибывать». Объяснение происхождения слова *келин* только в связи с глагольным корнем *кел-* без учета его корреляции со словом *қалың* «плата за невесту» может вызвать определенные вопросы, требующие прямого ответа. Слова *келин* и *қалың* соотносительны как в формально-фонетическом, так и в содержательно-семантическом плане. Им свойствен фонетический параллелизм:

$$\begin{array}{c} к - е - л - и - н \\ қ - а - л - ы - ң \end{array}$$

Полное совпадение звукового состава и общего фонологического облика двух слов, распространенность подобных фонетических чередований (*к/қ, е/а, и/ы*) в тюркских и кыргызских однокорневых словах позволяют признать их этимологическую идентичность. А семантическая их близость еще более убеждает нас в том, что сравниваемые слова, вероятно, восходят к одной праформе и имеют общее происхождение. Тюркские слова *келин* «невеста» и *қалың* «плата за невесту» имеют соответствия во многих ностратических языках и, вероятно, могут быть возведены к древним китайским слогам.

Восьмой раздел ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ посвящен определению рефлексов названий семьи и жилища в языках Евразии. В кыргызской лексикографии кратко и четко раскрыта семантика слов *үй* «дом, жилище, юрта», *үй-бүлө* «семья, семейство», *бүлө* «семья, член семьи» и *бөлө* «дети двух родных сестер». Однако до настоящего времени происхождение этих слов еще не было предметом специального лингвоэтногенетического рассмотрения. Раздел ставит своей целью восполнить этот пробел в

сравнительной тюркологии и рассмотреть этимологию соответствующих слов в контексте фактов из монгольских, тунгусо-маньчжурских, китайского и некоторых других языков. С помощью приемов и процедур методов сравнения и реконструкций мы восстанавливаем пракорень **йү* «дом», служивший исходом для рефлексов 1) *йу/йү/жү/жү̄/жӯ*; 2) *үй/уй/үй̄/өй/ой*; 3) *еб/ев/эб/еп/эп/еф/өм/өв/иб/ип/ив/ув/үв*; 4) *үү/ү/уу*; 5) *уг/үг/өг/ух*; 6) *йив/йүв/йев/йув* в сравниваемых языках со значениями «дом», «жилище», «юрта», «шалаш», «кибитка», «шатер», «семья» и т.д. Морфонологические и семантические различия в этих примерах соответствуют общим закономерностям, которые свойственны восточно-ностратическим языкам. Реконструкция прототипа названия жилища в сравниваемых языках в виде **йү* «дом, юрта» не противоречит положению о первичности открытого слога в языках мира, легко объясняет появление губно-губных и губно-зубных согласных в целом ряде трансформ корневой морфемы, так как губные гласные в языке легко превращаются в губные согласные (**йү > иб/ив/ип/ев...*), а также действия метатезы, протезы, эпитезы, диерезы и других фонетических процессов.

С данным корнем по смыслу сближается архиформа **було* «семья, клан», представленная в рефлексах: *биле/пиле/бүл/бөле/бола/бөлө/бүлэ/бүлө/бүлөө/було/булуу* и др. со значениями «семья», «член семьи», «дети двух сестер», «сыновья тетки по матери», «домочадцы», «клан», «племя» и т.д. Такая модель происхождения названий жилища и семьи в алтайских и китайском языках убедительно объясняет этимологию кыргызских слов *үй* «дом, жилище, юрта», *үй-бүлө* «семья, семейство», *бөлө* «дети двух родных сестер» и *бүлө* «семья, член семьи». Слово *үй* «дом, жилище» является рефлексом пракорня **йү*, возникшим в результате метатезы, и входит в состав сложного слова-названия семьи в качестве его первого номинанта. А второй компонент термина может употребляться автономно, имеет отдельные соответствия во всех алтайских и китайском языке и возводим к прокорню **було* «семья, род, клан». К данному архетипу, по-видимому, восходят и рефлексы пракорня **бөлө* «дети двух сестер». Наличие специального наименования со значением «дети двух сестер» при отсутствии номинантов родственников по отцу представляет собой реликт представлений древних алтайцев о кровном родстве в условиях матриархата.

Девятый раздел ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ содержит доказательства иранского происхождения некоторых кыргызских слов. В кыргызской лексикологии принято считать, что ряд торгово-экономических терминов языка заимствован из иранских языков: *арзан* «дешевый, дешево, дешевизна», *баа* «цена, оценка, ценность», *зыян* «вред, ущерб», *чекене* «розничный»,

дукөн «магазин», базар «рынок», соода «торговля», соодагер «торговец, купец», пайда «выгода», пул «деньги» и др. (Абдувалиев, 2016). Отнесение этих слов к иранским заимствованиям недостаточно мотивировано и потому вызывает возражение со стороны отдельных лингвистов (Зулпукаров, 2016). Мы приведем отдельные аргументы в пользу поддержки мнения тех языковедов, которые считают многие из этих слов неиранскими или, по крайней мере, ностратическими (Амиралиев, Караева, Сапарбаева, 2020).

По нашему мнению, слово *арзан* сложное и состоит из двух китайских слогов: 迺 *ě* «близкий, ближайший» + 1) 陷 *xiàn/xiàn* [сянь/суань] (диал.) «нести поражение, ущерб; рухнуть (о позиции); вредить и др.»; 2) 減 *jiǎn/xian* [дзянь/сянь] «уменьшать(ся), снижать(ся); сокращенный; минус...»; 騫 *qiān* [цянь/тсянь] «терпеть урон (ущерб)». Другой коммерческий термин – слово *соода* «торговля». Об его иранском происхождении пишут многие лингвисты-кыргызоведы (Юдахин, 1965; Абдувалиев, 2016). Ханью дает основание для разбивки данного слова на два слога. В нем слог *соо*-соответствует китайскому слогу 所 *suǒ* «излишек, остаток, с лишним», а слог *-да* является эквивалентом китайского слога 得 *dé* «получать, добывать». Сочетание *suǒ* + *dé* привело к образованию сложного слова 所得 *suǒdé* «доход», которое на почве кыргызского языка приобрело форму *соода*. Слово *баа* «цена, стоимость, оценка» тоже считается иранским. Такого мнения придерживаются ученые, не знакомые с фактами ханью. В этом языке имеется многозначное слово 宝 *bǎo* «драгоценность, бриллиант; драгоценный, богатство, ценность, высоко ценить...». В реальной речи из этой семантической парадигмы говорящее лицо выбирает только ту сему, которая соответствует потребности сообщения.

Словарный фонд кыргызского языка состоит из двух крупных пластов – межтюркского и заимствованного. Часть общетюркских и заимствованных слов с некоторой долей вероятности возводима к ностратическому праязыку. Предки кыргызов контактировались с различными народами, испытывая и принимая их культурно-цивилизационное и когнитивно-языковое влияние. В работе проанализировано происхождение только 7 слов, считающихся обычно иранскими, и показано, что они этимологически связаны с китайским языком (ханью) или являются ностратическими корнями.

В десятом разделе исследуются происхождение китайско-кыргызского слова *zhèr/жер* и его семантико-звуковые варианты. Известно, что в древнекитайском языке было много слогов с конечным *-р*. В процессе его исторического развития происходит выпадение этого звука в финальной части слога и превращение закрытого слога в открытый (Яхонтов,

1965). Необходимо отметить, что не во всех случаях конечный звук *-p* выпадает в китайских слогах, а сохраняется. В этом случае кыргызско-китайские общие слова проявляют сходство и в финальной части. Например, кыргызский корень с чередующимися начальными согласными *жер*-/йер- имеет аналог в китайском языке в виде слога 这儿 *zhèr* [жер] «здесь, тут, в этом месте». Значение китайского слога абстрактное, эгоцентрическое и отражает позицию говорящего лица. Кыргызское же слово *жер* полисеманлично и содержит в себя многочисленные значения: «точка, линия, земля, почва, грунт, участок, могила, место, территория/область, там (+где, куда, откуда), берег, земная поверхность, страна, суша и др». В этом списке представлены наиболее продуктивные значения данного слова. Пракорень **йер/жер* объективируется отдельными трансформами во всех тюркских языках: *йер/йәр/йӧ/же/йӧй/йей/йир/жер/зер/дер/чер/чӧр/чир/шер/сир*. Из этих трансформ названий земли в тюркских языках наиболее продуктивен вариант *йер*, поэтому его можем считать архетипом значения «земля». Рефлексы древнего **жер* выступают в качестве экспонентов значения места. В этом случае с ним тесно связано слово *жай* в локативной функции. Группа слогов ханью показывает их этимологическую связь: 1) 在 *zài* «жить в, быть дома, занимать место...»; 在在 *zàizài* «повсюду, везде»; 2) 宅 *zhài/zhè* «жилище, квартира, могила...»; 3) 齋 *zhāi* «дом, кабинет, общежитие». Под воздействием закона компрессии китайское 这儿 *zhèr* преобразуется в полисемантические открытые слоги *zhài/zhè/zhāi/zài*, состав значений которых почти идентичен смыслам кыргызских слов *жер/жай*.

Одиннадцатый раздел главы посвящен сравнительному анализу семантического строения некоторых слов, словосочетаний и предложений кыргызского языка с позиции синологии. В кыргызском языке имеется немало слов, словосочетаний, которые материально и семантически соотносятся с китайскими выражениями или реконструируемыми образованиями, что свидетельствует о лингвоэтногенетических связях ханзу с тюркскими народами. Они еще не стали предметом специального рассмотрения. Приведем и прокомментируем отдельные примеры.

Кыргызское слово *кул* «слуга, раб» имеет эквивалент в китайском языке в виде 苦力 *kǔlì* «чернорабочий, слуга, носильщик; надрываться в тяжелом труде». Смыслово-формальная общность двух сравниваемых слов налицо (Зулпукаров, Амиралиев, 2017). Кыргызское *жол* «дорога, путь, трасса, след, колея...» можно сравнить с китайскими лексемами: 1) 躡/準 *zhù/zhuó* «след, колея, путь, образец...»; 2) 轍/辙 *zhé/chè* «след колес, путь, дорога,

образец...». Здесь мы имеем дело с чередованием в китайских инициалах в виде *zh-/ch-*, соответствующих кыргызскому начальному *жс-*. Различны финали: кит. *-ú/-uó/-é/-è* = кырг. *-ол*. Последнее можно было бы объяснить как соответствие кыргызского закрытого слога китайскому открытому и признать первичным более развернутую, то есть кыргызскую форму (*жу/жуо/же/че* из *жол*), если бы в китайском языке отсутствовали примеры, которые значительно дополняют эти сравнения: 1) кит. 走路 *zǒulù* «идти по дороге», состоящее из слогов: 走 *zǒu* «ходить (пешком), двигаться» и 路 *lù* «дорога, сухим путем»; 2) кит. 距离 *jùlì* «расстояние, дистанция...», состоящее из слогов: 距 *jù* «огромный» и 离 *lì* «расстояние»; 3) кит. 距离 *yǐlì* «весь путь, по пути...; шагать» и т.д. Корреляцию приведенных корней можно представить в таком виде: *жол* = *zhú/zhuó/zhé/chè/zǒulì/jùlì/yǐlì/yóulì/yóulè*. Кыргызские слова *кул* и *жол*, вероятно, образованы от китайских слов 苦力 *kǔlì* и 距离 *yǐlì* в результате афезы.

В кыргызском фольклоре часто встречается номинант сказочного красноречивого мудреца *Жээрече чечен*, в котором первая часть является антропонимом, а вторая часть – названием в значении «красноречивый мудрец». На самом деле антропоним и номинант носителя красноречия этимологически идентичны и представляют собой специфичный плеоназм. В китайском языке есть слова 哲 *zhé* «мудрый, мудрость» и 哲人 *zhérén* «мудрец, мыслитель». Последнее в древнекитайском языке произносилось в виде *жерен*, а в современном – в виде *жежен*, потому что древнекитайское *p* в процессе развития языка превратилось в современное *жс*. Второй слог в слове *Жээрен* можно связать с современным китайским словом 人 *rén* [жэнь] «человек». Что касается форманта *-че* «как, словно», то его можно сравнить с китайскими: 1) 哲 *zhé* «равняться»; 2) 如 *rú* [жу] «как будто»; 3) 如 *ruò* [жуо] «будто, или»; 4) 差 *chā/chà* «сравнительно». Кыргызское предложение *Баянсулуу жакшы кыз эле* «Баянсулуу была хорошей девушкой» имеет этимологическое строение, мотивированное первичными китайскими слогами (宝 *bǎo* «драгоценность» + 言 *yán* «слово» + 秀丽 *xiùlì* «прекрасный» + 秀麗 *yōushì* «преимущество, перевес, превосходство» + 闺 *guī* «девушка» + 了 *le* – частица со значением «что-то случилось и возникла новая ситуация»).

Слова в китайской фразе 马吃草 *Mǎ chī cǎo* «Лошадь ест траву» имеют этимологические связи с кыргызскими лексемами, что тоже свидетельствует о возможном отдаленном генетическом родстве сравниваемых языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проанализировали факты кыргызского и китайского языков **в аспекте алтаистики и ностратики**, которые открывают позицию для комплексного исследования аффиксов и корней языков Евразии с учетом генеалогии, типологии и географии распространения одновременно.

Объективная основа генетического отождествления лингвистических фактов базируется **на возможности генетический сравнимости отдельных явлений и их совокупностей в рамках единого протоязыка и его ответвлений**, т.е. групп близкородственных языков. Изучая факты кыргызского языка в сравнении с китайскими в широком контексте, мы находим немалое число генетически идентичных морфем – корневых и аффиксальных, которые являются величинами, возводимыми к единой праформе, и в процессе развития претерпели те или иные формально-смысловые изменения.

Конечно, не все генетически идентичные факты языков возводятся прямо к исходной праформе. Среди них много таких единиц, которые появились в том или ином языке или языковой группе в результате контактов этносов и представляют собой заимствования. Иногда исконность и заимствованность морфем трудно бывает разграничивать. Мы особо выделяем явные заимствования, а факты, вызывающие сомнения, мы рассматриваем в рамках ностратики, обращая внимание только на особенности их фонетико-смыслового освоения конкретным языком. Нами обнаружено около 400 общих морфем в двух языках. Некоторая часть может существовать на правах заимствований, а большинство этих примеров претендует на то, чтобы мы признали их этимологически идентичными.

Мы старались доказать, что **любое совпадение морфем двух языков этимологически мотивировано**, что семантическое строение кыргызских двусложных и даже трехсложных слов расчленяется на части и убедительно объясняется с позиции китайских слогов. Факты ханью помогают установить «атомы» кыргызских слов и их семантики.

В нашем исследовании основное внимание уделяется изменениям, происходившим **в финальных частях корневых морфем**. Однако финальные процессы нередко считаются с фонетическими трансформациями, встречающимися в начале, середине и конце слова.

В работе частично использована иероглифика. Китайские примеры подаются в латинской транслитерации или (иногда) в русской транскрипции.

Сравнивая лексические единицы кыргызского и китайского языков в контексте алтаистики и ностратики, мы получили некоторые **новые научные результаты**, вносящие новое в теорию и практику компаративистики.

Аргументировано положение о необходимости включения ханью в состав ностратической макросемьи языков. Приведено достаточное число аргументов в пользу такой идеи. В предварительном порядке обсуждены вопросы объединения алтайских и синотибетских языков как восточных ветвей ностратических языков.

Предложено новое понимание состава заимствованной лексики кыргызского языка. Показано, что ряд кыргызских слов, считавшихся заимствованными из западных языков (иранских, семитских и т.д.), вошел в словарный фонд языка из ханью.

Выявлен производный характер некоторой части кыргызских слов, которые до настоящего времени относились к исходным корневым морфемам и считались первичными.

Продемонстрирована роль апокопы в компрессии языкового знака, в упрощении и сокращении объема лексемы, в возникновении тонового ударения в китайском языке, в увеличении звуковых расхождений между древними и современными формами слова.

Преобразованию финальных частей слов в сравниваемых языках способствуют также действия правил сингармонизма, чередования, эпитезы, метатезы и других фонетических процессов. В работе описаны основные типы и модели фонетических преобразований в однокорневых словах сравниваемых языков. Показаны интерпретирующие, интегрирующие, абстрагирующие и обобщающие возможности фонетических формул кыргызского языка относительно китайских соответствий.

В соответствии с фонетическими и семантическими закономерностями языков осуществлена реконструкция некоторых пракорней из базовой лексики языка, установлены связь и единство пракорней с предполагаемыми и реально существующими их вариантами и трансформами в языках Евразии; указаны основные пути расширения и разветвления семантики пракорней на примерах сравниваемых языков.

С позиции тюркологии высказано и обосновано положение об естественном стремлении китайского языка к экономии артикуляционно-акустических усилий участников речевого общения и к благозвучию речи за счет увеличения числа открытых слогов и комбинации тоновых различий.

В перспективе намечается 1) подготовка собранного и проанализированного по теме материала к изданию в виде отдельной книги и краткого китайско-англо-русско-кыргызского словаря; 2) публикация

фрагментов исследования в форме статей в журналах и сборниках; 3) дальнейшее исследование эволюцию иероглифов; 4) руководство квалификационными и магистерскими работами в рамках проблематики синологии, алтаистики и ностратики.

Список опубликованных трудов по теме диссертации

1. Амиралиев, С.М. Проте́за в киргизско-китайских лексических соответствиях [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Мат.научн.-практ. конф. – М.: Издат. РУДН, 2016. – С. 307-312.

2. Амиралиев, С.М. Судьба пракорня **kes/sek* в ностратических языках [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Вест.Дагес. гос. ун-та. Сер.2. Гум.науки. – 2016. – Т.31. - Вып. 3. – С. 54-59.

3. Амиралиев, С.М. О некоторых словарных общностях тюркских и китайского языков [Текст] / С.М. Амиралиев // Вест.ОшГУ. – 2017. - №5, спец.вып. – 2017 а. – С. 34-38.

4. Амиралиев, С.М. О некоторых общетюркских словах, соотносительных с китайскими [Текст] / С.М. Амиралиев // Актуальные проблемы татарской филологии. – 2017 б. – С. 185-191.

5. Амиралиев, С.М. Диереза в китайско-киргизских лексических соответствиях [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // ЖаМУнун жарчысы. – 2017 а. – №2. – С.26-36.

6. Амиралиев, С.М. Метатеза как один из путей возникновения звуковых расхождений в китайском и киргизском языках [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Языки в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана. – 2017. – С.108-118.

7. Амиралиев, С.М. Смысловое строение киргизских словосочетаний с точки зрения китайского языка [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Языки в диалоге культур: Матер. междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию проф. М.Дж. Тагаева. - 2017 д. – С. 329-333.

8. Амиралиев, С.М. Константы и переменные в киргизско-китайских общих морфемах [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Сб.науч.тр. - 2018 а. – Ч.1. – С. 44-50.

9. Амиралиев, С.М. Китайско-киргизское *zhèr/жер* и его семантико-звуковое варьирование [Текст] / С.М. Амиралиев // Сб.науч. труд. – 2018. – Ч. I. – С. 48-53.

10. Амиралиев, С.М. Фонетическая трансформация китайских слогов под модель СЫСА кыргызского языка [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Наука, новые технол. и инновации. – 2018 з. - №2. – С.257-259.

- 11. Амиралиев, С.М.** Об этимологии названий хижины и золота в тюркских и китайском языках [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев, Н.О. Караева // Современные гуманитарные исследования. – 2019. - №6 (91). – С. 29-31.
- 12. Амиралиев, С.М.** О характере перестановки звуков в этимологически идентичных словах китайского и киргизского языков [Текст] / С.М. Амиралиев // Ош мам. ун-нин жарчысы. – 2020. – С.52-61.
- 13. Амиралиев, С.М.** Reflexes of the Most Ancient Root **er* “male” in Eurasian Languages [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев и др. // Open J. Modern Linguistics. 2021. - Vol.11. – No.1. – P. 104-119.
- 14. Amiraliev S.M.** About Transformation Formulas of the Most Ancient Roots in Eurasian Languages [Text] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Open J. Modern Linguistics. – 2021. - Vol.11. – No.6. – P. 907-918.
- 15. Amiraliev S.M.** Reflexes of the Most Ancient Root **Deng* «Equal» in Eurasian Languages and Interpersonal Relationship Cognitions of Proverbs in the Kyrgyz Language [Text] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев и др. // J. Positive School Psychology (Scopus). – 2022. – V.6, №4. – P.3857-3866.
- 16. Амиралиев, С.М.** О номинантах некоторых фонетических моделей и их вариантов в кыргызско-китайских лексических соответствиях [Текст] / С.М. Амиралиев // Вест.КУМУ: Наука. Образование. Техника. Филол. науки. – 2023. – С.108-115.
- 17. Amiraliev S.M.** On the Etymology of the Kyrgyz Names of Dwelling and Family from the Point of View of the Theory of Linguo-Regional Unity of the Altai and Chinese Peoples [Text] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев и др. // Advances in Science, Technology & Innovation. A Systemic View from the Positions of Economics and Law. Springer, Cham (Scopus). – 2023. - P.491–497.
- 18. Amiraliev S.M.** On the Reflexes of the Ancient Root “But” [Foot] in Nostratic Languages [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев // Advances in Science, Technology & Innovation. A Systemic View from the Positions of Economics and Law. Springer, Cham (Scopus). – 2023. – P.521–527.
- 19. Амиралиев, С.М.** Соотношение морфем в узбекском и кыргызском языках [Текст] / С.М. Амиралиев // “Лучший молодой ученый – 2023”: VIII межд.кн.кол.науч.работ молодых ученых. – 2023. – С. 51-53.
- 20. Амиралиев, С.М.** Китайские корни как основа происхождения некоторых тюркских слов [Текст] / С.М. Амиралиев // Сб.науч.тр. – 2024. – Вып.5. – С.250-254.

РЕЗЮМЕ

диссертации Амиралиева Семетея Манасовича на тему “Морфонология финальных частей корневых морфем в китайско-кыргызских лексических соответствиях (в контексте алтаистики и ностратики)”, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20. – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Ключевые слова: компаративистика, ностратика, сравнительное языкознание, алтаистика, синология, кыргызский язык, генетическое родство, финальное трансформирование, пракорень, общие морфемы, рефлексy.

Объект исследования – общие слова ряда языковых семей, относящихся к ностратической макросемье языков. **Предмет** – фонетико-семантические процессы, позволяющие реконструировать древнейшее состояние этимологически идентичных единиц в китайском и кыргызском языках в плане алтаистики и сино-тибетской компаративистики.

Цель работы – сравнительно-историческое и сопоставительно-типологическое исследование финального трансформирования лексико-грамматических единиц китайского и кыргызского языков в контексте алтаистики и ностратики.

Методы исследования: сбор, классификация, сравнительно-исторический метод, сопоставление, реконструкция, аналогия, перевод, моделирование и формализация, трансформирование, описание, синтез и др.

Научная новизна результатов исследования состоит в следующем:

- на конкретном фактическом материале обосновано положение о принадлежности китайского языка к ностратической семье языков;
- выявлены и охарактеризованы активно действующие фонетические процессы трансформирования рефлексов протокорней в конкретных языках;
- определена роль фонетических изменений в финальных частях китайских слогов, в увеличении расхождений в тюркско-китайских рефлексах пракорней и в потере ими исходных общих черт;
- обоснована необходимость пересмотра распространенного и устоявшегося мнения тюркологов об иранском, арабском происхождении некоторых слов в изучаемых ими языках;
- осуществлено сравнительное описание рефлексов пракорей **kes/sek* «резать», **kop/pok* «вместе», **put/tup* «нога, низ» и др. в языках Евразии;
- доказана производность, сложность строения целого ряда первичных корней кыргызского языка и т.д.

Сфера использования результатов работы. Принципы и методы исследования могут быть учтены в вузовских курсах общей и сравнительной лингвистики, тюркологии и синологии, в спецкурсах по китайско-тюркской сравнительной лексикологии, по этимологии и ностратике.

Амиралиев Семетей Манасовичтин “Кытай-кыргыз лексикалык шайкештиктериндеги уңгу морфемалардын финалдык бөлүктөрүнүн морфонологиясы (алтаистика жана ностратиканын контекстинде)” аттуу темада 10.02.20 – тектештирме-тарыхый, типологиялык жана салыштырма тил илими адистиги боюнча филология илимдеринин доктору окумуштуулук даражасын изденип алуу үчүн жазылган диссертациясынын

РЕЗЮМЕСИ

Негизги сөздөр: компаративистика, ностратика, салыштырма тил илими, алтаистика, синология, кыргыз тили, генетикалык тектештик, финалдык трансформациялануу, баба уңгу, жалпы морфемалар, рефлексдер.

Изилдөөнүн объектиси – тилдердин ностратикалык макробүлөсүнө таандык бир катар тилдик топтордун жалпы сөздөрү. **Предмети** – алтаистика жана син-тибет компаративистикасынын планында кытай жана кыргыз тилдериндеги этимологиялык жактан окшош бирдиктердин байыркы абалын реконструкциялоого жол берүүчү фонетикалык-семантикалык процесстер.

Изилдөөнүн максаты - алтаистика жана ностратиканын контекстинде кытай жана кыргыз тилдеринин лексикалык-грамматикалык бирдиктеринин финалдык трансформацияланышын тектештирме-тарыхый жана салыштырма-типологиялык жактан изилдөө.

Изилдөөнүн методдору топтоштуруу, классификациялоо, салыштырма-тарыхый метод, тектештирүү, реконструкциялоо, аналогия, которуу, моделдештирүү/формалдаштыруу, трансформациялоо, сыпаттоо, синтез ж.б.

Изилдөөнүн натыйжаларынын илимий жаңылыгы төмөнкүлөрдө:

- кытай тилинин тилдердин ностратикалык бүлөсүнө таандык экендиги жөнүндөгү жобо конкреттүү фактылык материалда негизделди;
- баба уңгунун рефлекстерин конкреттүү тилдерде трансформация кылуунун активдүү фонетикалык процесстери ачыкталып, мүнөздөлдү;
- кытай муундарынын финалдык бөлүктөрүндөгү, баба уңгулардын түрк-кытай рефлекстериндеги ажырымдардын көбөйүүсүндөгү жана алардын жалпы белгилерин жоготуудагы фонетикалык өзгөрүүлөрдүн ролу такталды;
- айрым сөздөрдүн иран тектүүлүгү жөнүндөгү түркологдордун кеңири таркаган жана бекем орногон пикирлерин кайрадан карап чыгуу зарылдыгы негизделди;
- Евразия тилдериндеги **kes/sek* «кесүү», **kop/pok* «бирге», **put/tup* «бут, түп» ж.б. баба уңгулардын рефлекстери салыштырылып, сыпатталды;
- кыргыз тилинин бир катар баштапкы уңгуларынын түзүлүшүнүн туундулугу, татаалдыгы далилденди.

Иштин натыйжаларынын колдонуу чөйрөсү. Изилдөө принциптери/методдору ЖОЖдогу жалпы жана салыштырма лингвистика, түркология, синология курстарында, кытай-түрк салыштырма лексикология, этимология жана ностратика боюнча атайын курстарда эске алынышы мүмкүн.

SUMMARY

of Amiraliev Semetei Manasovich's dissertation on the topic "Morphonology of the final parts of root morphemes in Chinese-Kyrgyz lexical correspondences (in the context of Altaic and Nostratic studies)", submitted for the degree of Doctor of Philology in the specialty 10.02.20. – comparative-historical, typological and contrastive linguistics

Key words: comparative linguistics, nostratics, contrastive linguistics, Altaic studies, sinology, Kyrgyz language, genetic kinship, final transformation, the most ancient root, common morphemes, reflexes.

The object of the research is the common words of a number of language families belonging to the nostratic macrofamily of languages. Its **subject** is phonetic and semantic processes that allow reconstructing the oldest state of etymologically identical units in Chinese and Kyrgyz languages in terms of Altaic and sino-tibetan comparative linguistics.

The aim of the paper is a comparative-historical and comparative-typological research of the final transformation of lexical and grammatical units of the Chinese and Kyrgyz languages in the context of Altaic and Nostratic studies.

Methods of research: collection, classification, comparative historical method, comparison, reconstruction, analogy, translation, modeling and formalization, transformation, description, synthesis etc.

The results of the study and their novelty:

- based on specific factual material the thesis of the Chinese language belonging to the nostratic family of languages has been substantiated;

- active phonetic processes of transformation of proto-roots reflexes in specific languages have been identified and characterized;

- the role of phonetic changes in the final parts of Chinese syllables, in increasing discrepancies in the Turkic-Chinese reflexes of the roots and in the loss of their initial common features has been determined;

- the necessity of revising the widespread and well-established opinion of Turkologists about the Iranian, Arabic origin of some words has been substantiated;

- the comparative description of the most ancient roots' reflexes **kes/sek* "to cut", **kop/pok* "together", **put/tup* "leg, bottom" etc. in the languages of Eurasia has been carried out;

- the structural derivation, complexity of a number primary roots of the Kyrgyz language has been proved etc.

The scope of the work. The principles and methods of research can be taken into account in university courses of general and comparative linguistics, Turkology and sinology, in special courses on Sino-Turkic comparative lexicology, etymology and nostratics.